

КАРМАННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Герман Сирил
Макнейл

**БУЛЬДОГ
ДРАММОНД**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРГОДИЕШ

Клуб классического детектива

Герман Сирил Макнейл

**Бульдог Драммонд (следствие
ведет Хью Драммонд)**

ИД «Городец»

1929

УДК 821.111-312.А
ББК 84(Вел.)-44

Макнейл Г.

Бульдог Драммонд (следствие ведет Хью Драммонд) /
Г. Макнейл — ИД «Городец», 1929 — (Клуб классического
детектива)

ISBN 978-5-907220-23-2

Герман Сирил Макнейл (1888–1937) опубликовал десять романов о Бульдоге Драммонде, три из которых были не раз экранизированы еще при жизни автора. Представленная в этой книге история начинается с того, что экс-капитан британской армии Хью Бульдог Драммонд размещает в «Таймс» объявление. Он получает ответ от молодой женщины, обеспокоенной деловыми знакомыми ее отца. Оказывается, ее отца шантажирует международный преступник и террорист, который пытается организовать государственный переворот...

УДК 821.111-312.А

ББК 84(Вел.)-44

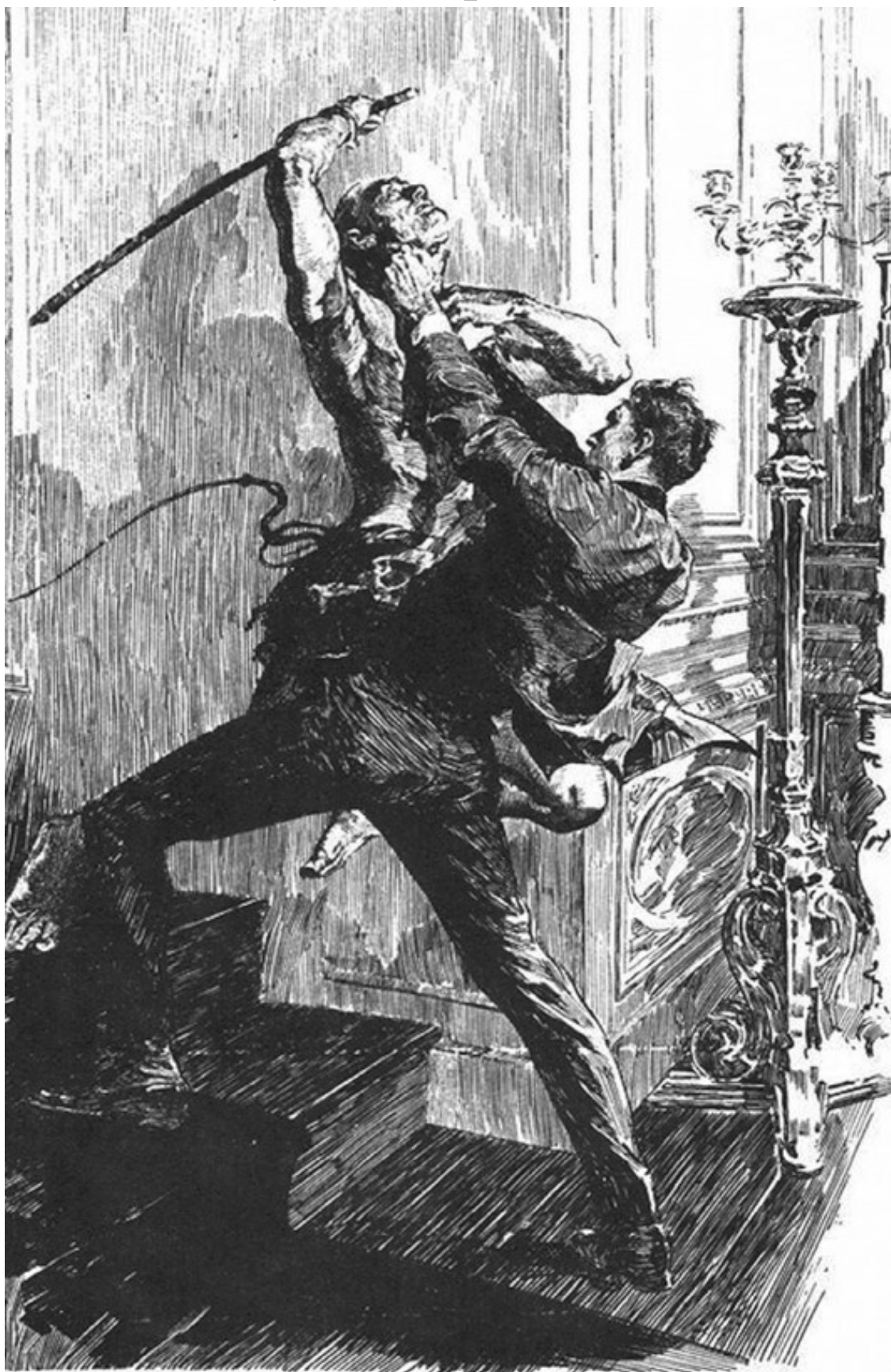
ISBN 978-5-907220-23-2

© Макнейл Г., 1929
© ИД «Городец», 1929

Содержание

Бульдог Драммонд	7
Пролог	7
Глава первая,	14
Глава вторая,	23
Глава третья,	33
Глава четвертая,	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Герман Сирил Макнейл Бульдог Драммонд

© ИД «Городец», 2021

© Перевод, А. Федотов, 2021

Бульдог Драммонд

Пролог

В декабре 1918-го, в тот самый день, когда под гордо развевающимися победными знаменами Британский конный дивизион вошел в Кёльн, управляющий отелем «Националь» в Бёрне получил письмо. Содержание послания, казалось, озадачило его, он прочитал его дважды и позвонил в колокольчик, вызывая секретаршу. Почти немедленно дверь открылась, и юная француженка впорхнула в кабинет.

– Месье вызывал меня? – Она застыла перед столом управляющего, ожидая инструкций.

– У нас когда-либо останавливался некий граф де Ги? – управляющий откинулся назад на своем стуле и уставился на секретаршу сквозь стекла пенсне.

Секретарша задумалась на мгновение и затем покачала головой.

– Не припоминаю такого, – ответила она.

– Мы знаем что-нибудь о нем? Он заходил к нам пообедать или брал отдельную комнату?

Снова секретарь покачала головой.

– Не на моей памяти.

Управляющий вручил ей письмо и уставился на девушку, наблюдая за ее реакцией.

– Это кажется на первый взгляд специфическим заказом от неизвестного человека, – прокомментировал он, когда она закончила чтение. – Ужин на четыре персоны; обслуживание

по высшему классу. Вина указаны точно, согласно нашему меню. Отдельная комната в половине восьмого. Зарегистрировать комнату X, если придут гости.

Секретарь кивнула, соглашаясь.

– Это едва ли может быть обман, – заметила она после краткой паузы.

– Вряд ли... – управляющий рассеянно улыбнулся. – Но если это все же фальшивый заказ, нам он влетит в копеечку. Мне бы хотелось знать, кто этот граф де Ги.

– Фамилией походит на француза, – заметила секретарша. И добавила после паузы: – Думаю, что вы собираетесь отнестись к нему серьезно.

– Я должен. – Он снял пенсне и положил на стол перед собой. – Вы пригласили *maître d'hôtel*?

Независимо от того, обоснованы ли были опасения управляющего, метрдотель их разделял. С другой стороны, война и разруха тяжело ударили по гостиничному бизнесу, а этот таинственный заказ обещал реальную прибыль. Кроме того, управляющий любил свою работу, и подготовка званого ужина была ему в радость. Несомненно, он лично встретил бы трех загадочных гостей и таинственного графа де Ги; он лично проследил бы, чтобы у них не было никаких претензий...

И поэтому приблизительно в двадцать минут восьмого метрдотель нарезал круги вокруг носильщика, управляющий вился вокруг метрдотеля, и секретарь металась вокруг них обоих. В семь двадцать пять прибыл первый гость...

Он выглядел весьма странно в тяжелой шубе, напоминая медведя.

– Я хочу быть отведен в комнату X! Ферштейн? – Француженка-секретарша оцепенела за спиной метрдотеля. При всем своем космополитизме, она не могла слышать немецкую речь без дрожи.

– Бош, – пробормотала она в отвращении, когда гость скрылся за вращающейся дверью в конце холла.

Управляющий не разделял ее отрицательных эмоций. Заказ таинственного графа не был розыгрышем, и это казалось ему важнее национальности гостей.

Почти немедленно явились еще двое участников званого ужина. Они прибыли по одному. Было очевидно и странно, что друг с другом они не знакомы.

Первым явился высокий худой джентльмен со всклокоченной бородой и пронзительным взглядом. Тихим гнусавым голосом он попросил ключи от номера X. Вошедший следом и переминавшийся у него за спиной маленький толстый человечек посмотрел на него удивленно и испуганно. Затем попросил ключи от того же номера на отвратительно исковерканном французском языке.

– Это не француз, – заявила секретарь взволнованно, когда метрдотель вывел гостей из холла. – Еще один немец!

Управляющий глубокомысленно крутил пенсне между пальцами.

– Два немца и американец... – он выглядел немного испуганным. – Будем надеяться, что ужин всех примирит. Иначе...

Но завершить мысль, выразить свои опасения за сохранность мебели в номере X управляющий не успел.

Дверь снова распахнулась, и в холл вошел человек, чье лицо почти полностью закрывал белый теплый шарф. Мягкая шляпа была глубоко надвинута, так что единственной чертой внешности незнакомца, которую запомнил менеджер, были глубоко посаженные серо-стальные глаза.

– Вы получили мое письмо этим утром?

– Мсье граф? – почтительно поклонился управляющий. – Все готово, и ваши три гостя прибыли.

– Хорошо. Я пройду сразу в номер.

Метрдотель вышел вперед, чтобы освободить его от его пальто, но граф отстранил его.
– Я сниму его позже. Отведите меня в номер.

Проследовав за метрдотелем, граф внимательно осмотрел холл. Кроме двух или трех пожилых женщин сомнительной национальности и человека из американского Красного Креста, постояльцев в отеле не было. Граф остановился и обернулся к метрдотелю.

– Не лучшее время для бизнеса? – спросил он.

Время было и вправду не лучшим. Метрдотель стал разговорчив. Дела никогда не были так плохи на его памяти... Но нужно надеяться, что ужин порадует мсье графа... Он лично проследил за подготовкой... Сам подбирал вина.

– Если все меня устроит, то вам не придется сожалеть, – заверил граф. – Но помните одно. После того, как принесут кофе, меня не следует беспокоить. Вообще. – Метрдотель замер, приоткрыв дверь, и граф повторил последние несколько слов: – Ни при каких обстоятельствах. Вообще.

– Месье граф... Я лично прослежу...

Но вот граф шагнул в комнату. Нельзя сказать, что в номере царила благоприятная атмосфера. Трое гостей рассматривали друг друга с враждебностью и недоверием. Когда граф вошел, они уставились на него с нескрываемым подозрением. На мгновение он замер на месте, пристально по очереди разглядывая каждого из приглашенных. Потом шагнул вперед...

– Добрый вечер, господа... – обратился он к своим гостям по-французски. – Я польщен вашим присутствием. – Он повернулся к метрдотелю. – Извольте подать ужин точно через пять минут. – С поклоном тот шагнул наружу, закрыв за собой дверь. – Предлагаю использовать пятиминутную паузу для знакомства. – Граф снял пальто и шляпу. – К делам перейдем, с вашего разрешения, после кофе, когда все мы успокоимся.

Гости молчали, пока граф разматывал плотное теплое кашне. С явным любопытством они изучали таинственного хозяина вечеринки. Внешность у графа оказалась запоминающейся: короткая темная бородка и профиль орлиный и строгий. Глаза графа сияли ледяной голубой сталью; густые каштановые волосы с пробивающейся сединой были зачесаны назад над широким лбом. Его руки казались большими и белыми, но лишены женоподобной изнеженности, это были руки вождя и борца. Сквозь каждую черту облика графа лучилась некая сила. И имя этой силы – Власть...

Это было очевидно для любого, в том числе и для любого из троих приглашенных, отнюдь не простаков. Каждый из них обрел влияние благодаря уму. Каждый из них понимал – их пригласили на ужин отнюдь не случайно. Случайные люди не ужинают в компании мировой элиты. Дело не в том, что у пригласившего их человека имелись деньги. Большие Деньги. А деньги стали их жизнью...

Граф обратился сначала к американцу.

– Господин Хокинг, если я не ошибаюсь, – обратился он на английском языке, протянув руку собеседнику. – Я рад, что вам удалось приехать.

Американец пожал предложенную руку, в то время как два немца посмотрели на него с внезапным интересом. Как человек, стоявший во главе большого американского хлопкового траста, стоящего больше в миллионах, чем он мог сосчитать, янки был наделен правом на уважение...

– Вы совершенно правы, граф, – прогнусавил американский миллионер. – Мне интересно знать, чему я обязан приглашением сюда?

– Всею свое время, господин Хокинг, – улыбнулся хозяин вечеринки. – Надеюсь, что ужин подтвердит безупречную репутацию этого заведения. – Он повернулся к высокому и тощему немцу, который без пальто еще больше напоминал треску. – Герр Штайнеман, если не ошибаюсь? – На этот раз он говорил на немецком. Немецкий угольный магнат, известный среди угольщиков не меньше, чем Хокинг среди текстильщиков, поклонился натянуто. – И

герр фон Грац? – Граф повернулся ко второму немцу. Хотя и менее известный, чем два других денежных мешка, фон Грац контролировал едва ли не всю сталь в Центральной Европе. – Итак, господа, – продолжал граф, – прежде чем мы приступим к ужину, разрешите, если возможно, сказать несколько слов в качестве введения... Страны мира нескольких последних лет были заняты делами непревзойденной глупости. Насколько можно судить, этот период заканчивается. Последнее, чем я хотел бы заниматься, это обсуждать войну... больше, чем этого требует тема нашей встречи. Господин Хокинг – американец, вы, господа, – немцы. У меня, – тут граф едва заметно улыбнулся, – нет национальности. Или, скорее, я гражданин мира. Абсолютный космополит... Господа, войну начали идиоты, и когда идиоты начинают действовать подобным образом, умным людям следует вмешаться... В этом причина и разумное основание нашего маленького ужина... Я утверждаю, что мы четверо мыслим достаточно рационально, чтобы игнорировать угар национализма, отравивший наши народы.

Тощий американец хмыкнул.

– После ужина, – невозмутимо продолжал граф, – я попытаюсь доказать вам, что у нас есть больше общих интересов, чем различий. А пока почему бы не насладиться местной кухней? Надеюсь, еда не отравлена? – Осмелюсь заметить, вы отлично владеете языками, граф, – ухмыльнулся американец.

– Я говорю бегло на французском, немецком, английском и испанском. Кроме того, я могу объясниться в России, Японии, Китае, странах Балканского полуострова...

Его улыбка, когда он говорил, сияла, воплощая собой честность и открытость. В следующий момент метрдотель открыл дверь, и четверо уселись ужинать.

Нужно признать, что атмосфера за ужином была весьма напряженной.

Американец в погоне за миллионами утратил интерес к кулинарным изыскам, привыкнув к бутербродам и минеральной воде, как вершине поварского искусства. Герр Штайнеман был образчиком немца, для него еда была священна. Он ел и пил сосредоточенно и, очевидно полагал, что ничего более не требовалось. Фон Грац прилагал все усилия, чтобы скрыть свой страх перед американцем. Он, видимо, ожидал, что янки набросится на него прямо здесь и сейчас. И это отнюдь не способствовало созданию веселой и непринужденной обстановки за столом. И лишь усилиями графа затея с ужином имела некий успех. Будучи инициатором собрания, он говорил непрерывно. Более того, говорил блестяще. Казалось, не было ни одного уголка земного шара, с которым у него не было бы хотя бы шапочного знакомства; в то время как с большинством мест он был так же знаком, как лондонец с площадью Пикадилли. Но даже такому блестящему мастеру застольных бесед было нелегко вести непринужденный разговор с мрачным американцем и двумя немцами, один из которых был обжорой, а другой трусом. Поэтому, когда дверь закрылась за спиной официанта, принесшего кофе, граф почувствовал облегчение. Теперь ему не потребуется петь соловьем, чтобы удерживать внимание аудитории. Это внимание автоматически удержит тема Больших Денег. И все же, когда он тщательно срезал конец сигары и понял, что глаза гостей смотрят на него с надеждой, он осознал, что самая трудная часть вечера еще впереди. Крупные финансисты, как и простые смертные, больше любят класть деньги в карманы, чем извлекать их оттуда. А граф собирался именно извлечь деньги из своих гостей, и извлечь их в большом количестве...

– Господа, – начал он, раскурив сигару, – мы все деловые люди. Поэтому я не стану ходить вокруг да около по вопросу, который стоит перед нами, но перейду сразу к сути дела. Я сказал перед ужином, что полагаю, мы достаточно влиятельны, чтобы исключить любые национальные мотивы в нашем поведении. Так как мы люди, чьи интересы имеют глобальный характер, такие вещи ниже нашего достоинства. Я хочу теперь немного подробнее остановиться на этом аспекте вопроса.

Он повернулся к американцу, сидевшему справа, полузакрыв глаза, вертя между пальцами зубочистку.

– В данное время, сэр, я обращаюсь особенно вам.

– Ближе к делу... – растягивая слова, протянул господин Хокинг.

– Не хочу затрагивать войну – или ее результат. Хотя центральные державы были разбиты Америкой и Францией и Англией, я думаю, что могу сказать за вас, господа, – он поклонился двум немцам, – что ни Франция, ни Америка не воспринимаются немцами как объект будущего реванша. Англия – главный враг Германии. Она всегда им была, она всегда им будет.

Оба немца проворчали согласно, и американец сощурился еще сильнее.

– У меня есть причина полагать, господин Хокинг, что вы лично не любите англичан.

– Я предполагаю, что мои чувства вас не касаются. Но если это представляет интерес для дела, ваше мнение правильно.

– Хорошо, – кивнул граф. – Рискну предположить, что вы были бы не против наблюдать крах Англии.

– Ладно... – отмахнулся американец. – Это все лирика. Давайте доберемся до сути.

Граф еще раз кивнул и повернулся к немцам.

– А вы, господа, должны признать, что ваши планы потерпели неудачу. Думаю, в них не входило, что британская армия займет Кельн...

– Война была идиотизмом, – пробрюзжал герр Штайнеман. – Еще несколько лет мира, и мы перемололи бы их в порошок...

– Но они разбили вас, – граф ехидно улыбнулся. – Давайте признаем, что война была дикой дурью. Но как деловые люди мы вынуждены иметь дело с результатом... Результатом, господа, который касается нас. Вы, господа, – тут он снова обратился к немцам, – достаточно патриотичны, чтобы негодовать из-за присутствия английской армии в Кельне. В этом я не сомневаюсь. И у вас, господин Хокинг, – он перевел взгляд на янки, – нет любви в сердце для англичан... Но я не предлагаю обращаться к финансистам с вашей репутацией с примитивной антибританской пропагандой... Вместо этого я предлагаю реалистичный план. План, который принесет Англии гибель, а нам с вами прибыль.

Он сказал эти слова низким и тихим голосом, и три его слушателя инстинктивно потянулись к нему.

– Не думайте, что мной движет личная месть. Мы – бизнесмены, и месть только тогда стоит нашего внимания, если она окупается. Это предприятие окупится. Я не могу назвать точные цифры, но мы с вами не стали бы беспокоиться из-за сумм меньше чем с шестью нулями. Есть возможность очень и очень хорошо заработать, есть для этого в Англии ресурсы... Эти ресурсы – разруха и хаос, порожденные войной... Это результат войны – войны, которую устроили идиоты... И теперь мы извлечем выгоду из их идиотизма... Это мое предложение. Мало того, что вы унизите эту проклятую страну, низвергнете ее в грязь, но вы еще и получите власть, такую, о какой и не мечтали древние тираны...

Граф вскочил, его глаза сверкали.

– Мы можем это!

Он вновь сел на свое место, и его левая рука, соскользнув со стола, начала выбивать дробь на колене.

– Это наш шанс – шанс для самых умных. Но у меня не хватает денег: у нас их хватит...

Он наклонился вперед на своем стуле и поглядел на напряженные лица аудитории. Затем он перешел к сути дела...

Десять минут спустя граф де Ги отодвинул свой стул от стола.

– Таково мое предложение, господа, вкратце. При воплощении в жизнь этого плана, несомненно, произойдут непредвиденные события. Однако мы справимся... Итак, каков будет ваш ответ? – Он поднялся, встал спиной к камину.

В течение нескольких минут никто не сказал ни слова. Каждый был занят своими мыслями и демонстрировал это своим способом. Американец, закрыв глаза, медленно катал зубочистку во рту. Штайнеман уставился на огонь, тяжело и громко дыша. Фон Грац ходил из угла в угол, сцепив руки за спиной. Только граф де Ги смотрел беззаботно на огонь, как будто равнодушный к результату обсуждения. В этом и заключалось его подлинное отношение к жизни. Привыкший играть по-крупному, он только что взял в руки карты для самой грандиозной азартной игры в жизни... Какое им дело до того, зачем он эту игру затеял? Единственный вопрос, который занимал умы его гостей, состоял в том, можно ли в этой игре выиграть. И все зависело от того, какое мнение сложилось у них, какое впечатление он на них произвел.

Внезапно американец достал зубочистку изо рта и вытянул ноги.

– Есть вопрос, который важен для меня, граф, от ответа на который зависит, с вами я или нет. Я предполагаю, что вы изучили нас и знаете о нас больше, чем мы сами. Вы расскажете нам о себе? Если мы соглашаемся войти в дело, это будет стоить нам больших денег. Управлять этими деньгами будете вы. Итак – кто вы такой?

Фон Грац остановился и кивнул. Даже Штайнеман с большим усилием поднял взгляд и уставился в лицо графа...

– Очень уместный вопрос, господа, и все же тот, на который, я сожалею, неспособен ответить. Я не буду оскорблять вас, настаивая на подлинности своего графского титула. Достаточно того, что я – человек, средства к существованию которого находятся в карманах других людей. Как вы говорите, господин Хокинг, это мероприятие будет стоить больших денег, но по сравнению с итоговой прибылью затраты будут пустяковой неприятностью... Надеюсь, что не выгляжу как тот, кто крадет копилку ребенка, имея под рукой жемчуга, алмазы и ключи от сейфа с золотом?.. Вы должны будете доверять мне, как и я должен доверять вам, ибо наш проект потребует огромных текущих расходов... Я должен буду доверять вам, чтобы получить свою долю в конце...

– И эта доля – сколько? – нарушил тишину гортанный голос Штайнемана.

– Один миллион фунтов стерлингов – со всех вас, вместе взятых, и он должен быть выплачен в течение одного месяца после завершения моей работы. После этого контроль перейдет в ваши руки... и делайте что желаете с этой проклятой страной!

Его глаза пылали жестокой, мстительной яростью. Но длилось это всего лишь миг, затем маска учтивого хозяина вновь оказалась на лице графа-самозванца. Он выставил свои условия откровенно и без торга: говорил с воротилами без лести и не юля, как равный с равными. – «Вы либо со мной, либо нет...» – так он им сказал, если не дословно, то по сути. Все или ничего. И никакой другой подход не был бы эффективен с этими безжалостными и бескомпромиссными финансовыми акулами...

– Возможно, граф, вы будете столь любезны, чтобы оставить нас на несколько минут, – попросил фон Грац. – Решение серьезное, и...

– Да, конечно, господа. – Граф открыл дверь. – Я вернусь через десять минут. К тому времени вы, я думаю, сумеете решить, «да» или «нет».

Выйдя в холл, граф закурил.

Отель казался пустым, не считая одной толстой женщины, спящей на стуле напротив номера Х. Граф задумался, дав волю воображению. Гений во всем, что касалось практической психологии, он чувствовал, что знал результат обсуждения... И затем... Что тогда?.. В своем воображении он видел, как его планы воплощаются в жизнь, видел, как щупальца заговора проникают повсюду. Он видел себя обладателем власти, какой не имел ни один король, диктатором, которому достаточно только пошевелить пальцем, чтобы погрузить королевство в хаос... И когда он сделает это, страна, которую он ненавидел, будет в руинах, тогда он будет вправе потребовать свой миллион и станет наслаждаться жизнью, поскольку великий человек должен наслаждаться вознаграждением...

Он провел десять минут в мечтах. Опасность задуманного не пугала его. К опасности он привык, и сам он был человеком весьма опасным. То, что его схема принесла бы крушение, возможно, смерть, тысячам невинных мужчин и женщин, не вызвало у него растерянности. Граф был абсолютным эгоистом. У него была цель, и он знал, как этой цели достичь. Но до сих пор ему не хватало денег... и... Быстрым движением он вытащил из кармана часы. Десять минут прошли!

Он поднялся и прошел через холл. Метрдотель во вращающихся дверях подобострастно склонился перед ним.

– Смеем надеяться, что ужин не разочаровал месье графа... Сожалею, что не смогли предложить большего... Надеемся, что господин граф вновь воспользуется нашим гостеприимством...

– Пока это не входит в мои планы. – Граф вынул бумажник. – Но исключать такую возможность я не стану. – Купюра скользнула в руку метрдотеля, затем последовало распоряжение: – Приготовьте счет, я оплачу сразу, как только вернусь в холл.

Граф направился в номер, в то время как метрдотель удовлетворенно разглядывал английскую банкноту достоинством в пять фунтов стерлингов.

Перед дверью номера граф загадочно улыбнулся. Потом скользнул в номер...

Американец все еще жевал свою зубочистку; Штайнеман все еще тяжело дышал. Только фон Грац изменил свое занятие, он теперь сидел за столом, потягивая длинную тонкую сигару. Граф вошел и направился к камину... – Ну, господа, – спокойным голосом поинтересовался он, – что вы решили?

Ответил американец.

– Мы согласны. С одной поправкой. Деньги слишком большие для трех из нас: должна быть одна четверть. Это будет четверть миллиона с каждого.

Граф поклонился.

– Да, – продолжал американец. – Эти два господина согласны со мной, что это должен быть еще один из моих соотечественников – так, чтобы мы вложились поровну. Человек, которого мы выбрали, приезжает в Англию через несколько недель – Хирэм С. Поттс. Если вы уговорите его, можете рассчитывать на нас. В противном случае этих переговоров не было.

Граф кивнул, и если он почувствовал какое-либо раздражение при таком неожиданном повороте, он не показал ни единого его признака.

– Я знаю о господине Поттсе, – ответил он спокойно. – Он крупный судовладелец, не так ли? Я согласен. – Хорошо! – воскликнул американец. – Давайте обсудим некоторые детали.

Без единой эмоции на лице граф пододвинул стул к столу. Лишь его пальцы вновь начали выстукивать некий ритм на колене левой ноги.

Через полчаса граф вошел в свой роскошный номер люкс в отеле «Магнифисент».

Девушка, которая лежала у камина, читая французский роман, посмотрела на него, обернувшись на звук открываемой двери. Она не сказала ни слова, взгляд на его лицо сказал ей все, что она хотела знать.

Он подошел к дивану и улыбнулся ей.

– Успешно... На наших собственных условиях... Завтра, Ирма, граф де Ги умрет, а Карл Петерсон и его дочь уедут в Англию! Карл Петерсон – сельский джентльмен. Он разводит кур и, возможно, свиней...

Девушка встала и потянулась, зевнув.

– Mon Dieu! Какая перспектива! Свиньи и куры – и в Англии! Сколько времени это займет?

Граф глубокомысленно смотрел на огонь.

– Возможно, год, возможно, шесть месяцев... Все в руках Господних!

Глава первая, в которой капитан едет на чаепитие в отеле «Карлтон» и находит повод сильно удивиться

Капитан Хью Драммонд, кавалер ордена «За выдающиеся заслуги», ветеран Лоамширского Королевского полка, насвистывал, принимая утреннюю ванну. Капитан был человеком веселого нрава, и его манеры нисколько не удивляли его слугу, который накрывал на стол. Последний раньше тоже служил в том же самом знаменитом полку, но в чине рядового...

Через несколько минут свист прекратился, и звук сливающейся воды оповестил о том, что концерт окончен. Это служило сигналом для Джеймса Денни, человека с квадратной челюстью, на чьем лице было написано: «Я денщик и этим горжусь!» Следовало бежать на кухню, к жене, за завтраком. Но этим утром неизменный порядок был нарушен.

Джеймс Денни казался невнимательным, был чем-то озабочен.

Несколько раз он чесал голову и выглядывал в окно. Взгляд его был хмурым. И каждый раз, бросив краткий взгляд на Хэлф-Мун-стрит, он с усмешкой возвращался к столу.

— Где вы, Джеймс Денни? — сердитый голос жены у двери заставил его виновато обернуться. — Почки готовы и ждут уже пять минут!

Ее взгляд упал на стол, и она вошла в комнату, вытирая руки о передник.

— Ты когда-либо видел такую связку писем? — спросила она.

— Их всего сорок пять, — мрачно ответил ей муж. — И это еще не конец. — Он взял газету, лежащую на краю стола. — Результат этого, — он ткнул пальцем в газету.

— «Демобилизованный офицер, считая мир невероятно утомительным, жаждет разнообразия и приключений, — медленно прочитала жена Денни. — Законных, если возможно; но преступление, если в нем присутствует изрядная доза иронии, допустимо. Важна эмоциональная встряска. Готов рассмотреть постоянную работу, если она удовлетворяет данным требованиям. Ответьте сразу. Ящик X10».

Она уронила газету на стол, обреченно уставившись на толстую пачку писем, лежащую на столе.

— Не ввязывайся в это! — заявила она. — Не гневи Господа! Преступление, Денни, — это преступление! Не ввязывайся в это, муж мой, иначе мне придется поговорить с тобой серьезно! — она погрозила мужу пальцем и медленно удалилась на кухню. В пору юности Джеймс Денни был немного диковат, и этим утром в его глазах вновь сверкало опасное пламя тех времен.

Хью Драммонд вошел в комнату минутой или двумя позже. Немного ниже шести футов, он был широк в плечах. Даже лучший друг не назвал бы его красивым, но он был счастливым обладателем того забавного типа уродства, которое внушает доверие, а не отталкивает. Его нос носил отпечаток усиленных занятий боксом в тяжелом весе; а рот казался, мягко говоря, крупноватым. Но его глаза преображали лик Драммонда в лицо «человека разумного», и при этом весьма приятное. Глубокие и спокойные, с ресницами, которым позавидовали многие женщины, именно глаза придавали лицу Драммонда благородство, позволяя безошибочно распознать в нем спортсмена и джентльмена. В самом лучшем и совершенном смысле каждого из этих понятий.

Капитан посмотрел на пачку бумаг на столе и на мгновение замер. Его слуга, притворяясь занятым, наблюдал за хозяином тайком из другого конца комнаты и заметил усмешку на лице Драммонда, после того как тот просмотрел пару писем.

— Кто мог подумать, Джеймс? — усмехнулся он. — Умереть и не встать! Мне потребуется напарник.

С выражением праведного гнева на лице в комнату вошла госпожа Денни. Она принесла завтрак, и Драммонд посмотрел на нее с улыбкой.

– Доброе утро, госпожа Денни! Кто посмел вызвать ваше неудовольствие? Неужто этот подонок Джеймс позволил себе вести себя с вами не учтиво?

– Никак нет, по крайней мере пока.

Достойная женщина фыркнула. Госпожа Денни мрачно взглянула на мужа, копавшегося в книжном шкафу. – Надеюсь, мне не придется вести себя с ним неучтиво, несмотря на то, что я слышала утром!

Бросив на газету в руке Драммонда взгляд, каким смотрят на ядовитую змею, она удалилась из комнаты. Мужчины переглянулись.

– Ее возмутило слово «преступление» в вашем объявлении, сэр, – пояснил Денни хриплым шепотом.

– Думает, что я собираюсь втянуть вас в грязные дела, Джеймс? – Хью наконец добрался до почек. – Мой дорогой, она может считать меня кем ей нравится, пока продолжает готовить такие восхитительные почки! Ваша жена – сокровище, жемчужина среди женщин. Вы ей так и передайте!

Он открыл первый конверт, и внезапно его взгляд заблестел.

– Вообще, чтобы успокоить ее, – заметил он серьезно, – вы могли бы сказать вашей второй половине, что согласитесь на убийство разве что в исключительных случаях.

Поставив тарелку на газету, Драммонд приступил к поглощению пищи.

– Не уходите, Джеймс. – С хмурым видом он изучал машинописный лист. – Мне требуется ваш совет в ближайшее время. Хотя не по этому поводу... Это не увлекает меня ни капельки. Помогать фирме господ Джонс & Джонс, возводить тупую финансовую пирамиду, извлекая деньги из простаков под получение сертификата, позволяющего вербовать новых простаков? Увольте! Корзину для мусора, пожалуйста, Джеймс. Разорвите, выкиньте, и мы перейдем к следующему пункту.

Он осмотрел сиреневый конверт с сомнением и исследовал почтовый штемпель.

– Где находится Падлингтон, Джеймс? И можно спросить – почему Падлингтон? Никакой город не имеет права на такое нехорошее название! – Он поглядел на письмо еще раз и покачал головой. – Тьфу! Тьфу! И жена управляющего банком, а также – управляющий банком этого грандиозного городишки, Джеймс! Вы можете вообразить себе что-либо настолько ужасное? Но испуганная жена менеджера – та еще штука! Когда они входят в состояние родственных душ, мебель начинает лететь.

Драммонд разорвал письмо и бросил обрывки в корзину. Потом повернулся к слуге и вручил ему оставшиеся конверты.

– Просмотрите их, Джеймс, пока я разбираюсь с этими почками, и выберите два или три. Я вижу, что вы должны будете стать по совместительству моим секретарем. Никакому гению не хватит сил разобрать все это в одиночку.

– Вы хотите, чтобы я вскрыл их, сэр? – спросил Денни с недоумением и недоверием в голосе.

– Именно так, Джеймс. Классифицируйте их для меня. Преступные; спортивные; любовные... или на любовную тематику; глупые и просто скучные; и для всего остального – «разное»... Мне не хватает острых ощущений. Найдите мне девушку в беде. Красивую девушку, беспомощную в тисках плутов. Позвольте мне стать рыцарем без страха и упрека, броситься на помощь, помчаться стрелой, ввязаться в бой, не думая о последствиях, Джеймс! – Он покончил с последним куском и отодвинул тарелку. – Среди всей этой дурацкой писанины должен, конечно, быть зов о помощи от прекрасной девы, Джеймс, в распоряжение которой я смогу предложить свой ржавый меч. Кстати, что случилось с проклятой железякой?

– Валяется в чулане, со связкой старых зонтиков и клюшкой для гольфа, которую вы не любите.

– Боже! Как? – Драммонд добрался до мармелада. – И подумать только, что я когда-то воображал себя пронзающим гуннов этим гордым клинком. Как думаете, найдется глупец, чтобы купить его, Джеймс?

Но достойный слуга был поглощен письмом, которое он только что открыл, и, по-видимому, не услышал вопроса. Теперь он выглядел озадаченно. Внезапно он громко причмокнул. Это был верный признак того, что Джеймс взволнован, и хотя Драммонд почти вылечил его от этой глупой привычки, Джеймс иногда забывался, особенно в моменты напряжения.

Драммонд выдернул письмо из его рук.

– Я удивлен, Джеймс! – заметил он недовольно. – Секретарь должен уметь держать себя в руках. Не забывайте, что хороший секретарь – это вещь, автомат, машина, не способная к чувствам...

Он прочитал письмо быстро, а затем, возвратившись к началу, он медленно прочитал его снова.

Уважаемый «ящик Х10», я не знаю, была ли Ваша реклама шуткой. Я предполагаю, что была. Но я прочитала ее этим утром и на миг допустила, что это правда. И если это так, Вы – человек, которого я ищу. Я могу предложить Вам острые ощущения и, вероятно, преступление.

Я в ловушке. Для девушки я откусила больше, чем я могу прожевать. Мне нужна помощь, срочно. Вы приедете завтра в отель «Карлтон» к пятичасовому чаю? Я хочу взглянуть на Вас и увидеть, что Вы и вправду есть. Вставьте белый цветок в петлицу.

Драммонд отложил письмо и вытащил портсигар.

– Завтра, Джеймс, – пробормотал он, – это уже сегодня! Кажется, это как раз то, что я искал.

Он поднялся и задумчиво посмотрел в окно.

– Старый друг! Пожалуйста, купите мне маргаритку, или кочан цветной капусты, или что-то еще белое.

– Вы думаете, что это не розыгрыш, сэр?

Капитан выдохнул облако дыма.

– Я знаю это... – ответил он мечтательно. – Посмотрите на это письмо. Незнакомка в нем отразилась как в зеркале! Она будет среднего роста и смуглой, с очаровательным маленьким носиком и ртом. Ее волосы, Джеймс, будут...

Но Джеймс уже потихоньку вышел.

Ровно в четыре часа Хью Драммонд вылез из своего двухместного автомобильчика в Хеймаркете, у входа в «Карлтоне». Белая гардения красовалась в его петлице. На нем был серый костюм с иголочки, который удовлетворил бы самого взыскательного модника. Некоторое время он стоял у входа на лестницу, скользя взглядом по холлу отеля.

Офицер, очевидно, сопровождающий двух кузенов из провинции в прогулке по Лондону, приветственно кивнул; дама, в дом которой Драммонд несколько раз бывал приглашен на бал, улыбнулась ему. Но Драммонд реагировал на приветствия лишь едва заметными кивками. Конечно, незнакомка, возможно, еще не прибыла, но Драммонд предпочитал быть настороже.

Вдруг Драммонд насторожился, взгляд его перестал блуждать. Наполовину скрытая за большим цветком в кадке, за столиком в одиночестве сидела девушка, и на мгновение их взгляды встретились. Затем, с самым слабым намеком на улыбку, она отвернулась и принялась нервно барабанить пальцами по столу.

Столик рядом с нею был свободен, и Драммонд сел за него. Это было сутью его характера, идти до конца, без колебаний, не отступая ни на шаг в сторону от избранной линии. Именно благодаря этому он стал кавалером ордена «За выдающиеся заслуги»; но это, как сказал бы Киплинг, совсем другая история.

Драммонд, не испытывая ни малейшего сомнения, чуял нутром, что это и была девушка, которая написала ему, и, сделав заказ официанту, начал максимально незаметно изучать ее лицо. Он мог видеть только ее профиль, но этого было достаточно, чтобы заставить его благословить момент, когда больше в шутку, чем всерьез, он поместил в газете свое объявление.

Глаза незнакомки были ярко-синими; масса золотисто-каштановых волос ниспадала на плечи из-под маленькой черной шляпы. Он посмотрел на ее ноги; отметил совершенство ее обуви. Он поглядел на ее руки и отметил, с одобрением, отсутствие колец. Тогда он посмотрел еще раз на нее и его взгляд вновь встретился с ее взглядом.

На этот раз она не отводила глаз. Она, казалось, думала, что теперь ее время для визуальной экспертизы, и пока Драммонд наслаждался чаем, исследование продолжалось. Он наполнил чашку, затем начал возиться в кармане жилета. Через секунду он нашел то, что хотел, и, достав визитку, прислонил ее к заварному чайнику так, чтобы девушка видела то, что на ней написано. А написано большими печатными буквами было «ящик X10». Тогда он добавил молоко и сахар и стал ждать.

Она среагировала почти сразу.

– Вы пришли, вы сделали это, «X10»! – проговорила она, и он повернулся к ней с улыбкой.

– Польщен вашим вниманием, – пробормотал он. – Вы, позволю себе заметить, тоже пришли.

Она слегка нахмурилась.

– Мне не до глупостей, смею вас заверить. То, что я сообщила в своем письме, можно понимать буквально.

– Что делает наш с вами обмен любезностями еще более актуальным, – ответил он. – Если мне предстоит стать преступником, я пошел бы на это ради вас охотнее, чем, ну скажем, ради вон той серьезной дамы в шляпе, пожирающей помидоры!

Он махнул рукой в сторону указанной дамы, потом протянул девушке свой портсигар.

– Турецкий табак, а вот тут Вирджиния, – сообщил он. И добавил полушепотом: – А теперь вы скажете мне, кого я должен убить?

С неприкуренной сигаретой, вертя ее между пальцев, она уставилась на него серьезно.

– Я хочу, чтобы вы сказали мне... – заговорила она предельно серьезно и даже мрачным голосом. – ...Сказали, поклявшись своей честью, была ли та реклама правдой или шуткой.

Он ответил ей столь же серьезно.

– Начиналось все более или менее как шутка. Но сейчас вы можете рассматривать это абсолютно всерьез.

Она кивнула, как будто удовлетворенно.

– Вы готовы рискнуть своей жизнью?

Брови Драммонда поднялись, и затем он улыбнулся. – Ну, достаточный стимул у меня есть, – ответил он. – Я думаю, готов.

Она кивнула снова.

– Вас не попросят сделать это за булочку ценой в полпенса, – продолжала она. – Кстати не найдется ли у вас спичек?

– Наш разговор отвлек меня, и я совсем забыл о хороших манерах, – пробормотал он. Прикуривая своей собеседнице сигарету, он увидел, что она смотрит ему через плечо на кого-то за его спиной.

– Не оглядывайтесь и скажите мне свое имя быстро, – скомандовала она.

– Драммонд, капитан в отставке, Лоамширский полк, – он откинулся на стуле и закурил сигарету сам. – И вы собираетесь в Хэнли в этом году? – ее голос стал громче.

– Не знаю, – небрежно ответил он. – Могу отправиться в течение дня, возможно, но...

– Моя дорогая Филлис, – прозвучал голос за его спиной, – какой приятный сюрприз. Понятия не имел, что вы в Лондоне.

Высокий, чисто выбритый человек остановился около них, внимательно разглядывая Драммонда.

– Мир полон таких неожиданностей, не так ли? – ответила девушка с показной веселостью. – Не думаю, что вы знакомы с капитаном Драммондом, не правда ли? Знакомьтесь, господин Лэкингтон, знаток изящных искусств, коллекционер.

Мужчины поклонились друг другу, и господин Лэкингтон улыбнулся.

– Я не помню, чтобы кто-то столь кратко и точно описал мои безобидные увлечения, – прокомментировал он учтиво. – Интересуют ли вас такие вопросы?

– Увы! – ответил Драммонд. – Последние годы я был слишком занят, чтобы уделять много внимания искусству.

Знаток искусств улыбнулся, и холодок пробежал по позвоночнику Хью. При всем его опыте, ему редко доводилось встречаться с людьми, которые с первого взгляда производили впечатление хладнокровного и бесстрашного человека.

– Конечно, вы бывали во Франции, – пробормотал Лэкингтон. – К сожалению, большое сердце удержало меня на этой стороне Канала. Я очень об этом сожалею. Иногда я не нахожу себе места от того, что никогда не был на материке! Как замечательно, должно быть, быть в состоянии убить кого-то без страха перед последствиями. Есть искусство в убийстве, искусство, капитан Драммонд! И как вы знаете, Филлис, – он повернулся к девушке, – я всегда тяготел к чему-либо волнующему, требующему художественного подхода! – Не дождавшись ответа, он посмотрел на часы и вздохнул: – Увы! Я должен откланяться. Вы вернетесь домой этим вечером?

Девушка огляделась, потом пожала плечами.

– Вероятно. Я еще не решила. Может, останусь тут, с тетей Кейт.

– Счастливая тетя Кейт! – С поклоном Лэкингтон удалился. В зеркале Драммонд наблюдал, как этот эстет получил свою шляпу и трость из гардероба. Тогда он посмотрел на девушку и заметил, что она слегка побледнела.

– В чем дело, юная леди? Вы чувствуете слабость? – быстро спросил он.

Она покачала головой. Постепенно цвет возвращался к ее лицу.

– Я в порядке, – пояснила она. – Я потрясена от того, что этот человек нашел нас здесь.

– На первый взгляд, эта встреча не таила опасности, – продолжал Хью.

– На первый взгляд, возможно, – заметила она. – Но этого человека не оценить на первый взгляд.

С коротким смешком она обернулась к Хью.

– Вы попали в самую гущу событий, мой друг, раньше, чем я ожидала. Это – один из тех, кого вы должны будете, вероятно, убить...

Драммонд закурил следующую сигарету.

– Нет ничего лучше, чем искренность, – усмехнулся он. – За исключением того, что мне не понравились его лицо и его поведение, я должен признать, что не обнаружил повода для столь радикальных решений. В чем, собственно, проблема?

– Прежде всего, этот скот хочет жениться на мне, – ответила девушка.

– Я ненавижу говорить банальности, но не удивлен, – вздохнул Хью.

– Но это не то, что имеет значение. Я не пошла бы за него, даже чтобы спасти свою жизнь. Она посмотрела на Драммонда спокойно.

– Генри Лэкингтон – второй самый опасный человек в Англии.

– Только второй! – хмыкнул Хью. – Тогда разве не логичнее начать мою новую карьеру с первого?

Она молча взглянула Драммонду в глаза.

– Полагаю, вы думаете, что я истеричка, – заметила она, выдержав многозначительную паузу. – Вы, вероятно, даже задаетесь вопросом, все ли у меня дома.

Драммонд стряхнул пепел с кончика сигареты и повернулся к ней со спокойным выражением лица.

– Вы должны признать, что до сих пор наш разговор едва ли укладывался в рамки приличия, – заметил он. – Я – совершенно незнакомый человек для вас; посторонний человек, который совершенно незнаком мне, вступает в разговор с вами, в то время как мы пьем чай. Вы сообщаете мне, что я должен буду, вероятно, убить его в ближайшем будущем. Заявление, я думаю, и вы с этим согласитесь, несколько обескураживающее!

Девушка отбросила назад голову и весело рассмеялась:

– Бедный мальчик, я вас напугала!

Тут она снова стала серьезной.

– Еще есть время отступить. Просто позовите официанта и попросите мой счет. Мы попрощаемся, и инцидент будет исчерпан.

Она смотрела на него серьезно, когда говорила, и Хью показалось, что в ее огромных голубых глазах он увидел безмолвную мольбу. Глаза эти были очень большими, и сама она в полумраке казалась невероятно очаровательной. Как определил для себя Драммонд, восхитительная дамочка. А восхитительные дамочки всегда были его хобби. Вероятно, Лэкингтон завладел ее письмом или чем-то, и она хотела, чтобы Хью вернул его. Конечно, он сделает это, даже если придется рискнуть головой. – Ну, так что?! – голос девушки прервал ход его мыслей, и он поспешно взял себя в руки.

– Последнее, чего я хочу, это выйти из игры, которая еще не началась! – ответил он пылко.

– Значит, вы поможете мне?

– Для этого я и приехал, – с улыбкой Драммонд закурил очередную сигарету. – А теперь введите меня в курс дела.

– Проблема... – тут она слегка замешкалась. – В том, что мне почти нечего сказать. Все это догадки и смутные подозрения. Однако, чтобы начать, расскажу о том, кому вам придется противостоять. Во-первых, Генри Лэкингтон, которого вы уже видели. Он, как я знаю, один из наиболее выдающихся ученых, которые когда-либо работали в Оксфорде. В науке для него были открыты все пути, перспективы были головокружительны. Но ему это показалось скучным и неинтересным. Жажда острых ощущений влекла его к преступлению. Не вульгарные, общие виды преступлений – его влекло к Преступлению с большой буквы, к преступлению как форме искусства. У него всегда было достаточно денег, чтобы позволить себе не торопиться – чтобы проработать все детали. И это – то, что он любит. Он рассматривает преступление как сложное и ответственное предприятие, работая над его деталями, словно юрист над ответственной коммерческой сделкой. Он циничен; цель для него оправдывает средства.

– Интересный типчик, – покачал головой Хью. – Какие конкретно преступления он предпочитает?

– Что-либо, что требует мозгов, железных нервов и тщательного планирования, – ответила она. – Преимущественно, сейчас, крупные кражи и убийства.

– Моя дорогая! – сказал Хью недоверчиво. – Как вы можете быть уверены? И почему вы не сообщили полиции?

Она устало улыбнулась.

– Поскольку у меня нет доказательств, и даже если бы они имелись... – Она вздрогнула и оставила фразу незаконченной. – Но однажды мой отец и я были у него в гостях, и случайно

я зашла в комнату, где я никогда не была прежде. Это была странная комната с двумя большими сейфами, вмонтированными в стены и дополнительно защищенными решеткой из толстых стальных прутьев. Не было окон, и пол, казалось, был сделан из бетона. И дверь была скрыта занавеской и была тяжелой, словно сделана из стали. На столе посреди комнаты лежало несколько миниатюр. Я узнала их! Я разбираюсь в миниатюрах...

Она на мгновение умолкла, поскольку официант прошел мимо их стола.

– Вы помните кражу знаменитых ватиканских миниатюр, принадлежащих герцогу Мельбурна?

Драммонд кивнул. Он был заинтригован.

– Я держала их в руках, – спокойно сказала она. – Я признала их сразу, по описанию в газетах. И пока я стояла, оцепенев от удивления, Лэкингтон вошел в комнату.

– И что? – Драммонд затушил сигарету и наклонился к девушке. – Что он сделал?

– Абсолютно ничего. Это и было самым ужасным! «Восхищаетесь моими сокровищами? Симпатичные вещички, не так ли?» – спокойно сказал он. Я не могла произнести ни слова. Я просто уронила их на стол... «Замечательные копии, – продолжал он. – Из потерянных миниатюр герцога Мельбурна. Я думаю, что они обманули бы большинство людей». «Они обманули меня!» – смогла, наконец, вымолвить я... «Смогли? – усмехнулся он. – Человеку, который нарисовал их, польстит». Все это время он пялился на меня холодным, беспощадным пристальным взглядом, который, казалось, заморозил мой разум. Затем он подошел к одному из сейфов и открыл его. «Подойдите сюда, мисс Бентон, – позвал он. – Тут много больше копий». Я заглянула внутрь только на мгновение, но я никогда не видела ничего подобного или не думала такое увидеть. Красиво устроенные, на черных бархатных полках сверкали нитки жемчуга, великолепная алмазная диадема и целая куча ограненных драгоценных камней, и в одном углу я мельком увидела прекрасную золотую чашу – точно такую же, как та, за которую Сэмюэль Леви, ростовщик-еврей, все еще предлагал вознаграждение. Тогда он закрыл сейф и снова уставился на меня в тишине... «Все это копии – спокойно пояснил он. – Замечательные копии. И если вы когда-либо испытаете желание думать иначе – спросите у своего отца, мисс Бентон. Предупреждаю, не делайте глупостей. Спросите своего отца сначала».

– И вы?.. – поинтересовался Драммонд.

Его собеседница вздрогнула всем телом.

– Тем же вечером! И папа накричал на меня, сказал мне никогда не смей вмешиваться в вещи, которые меня не касаются. Постепенно, с течением времени, я поняла, что Лэкингтон держит его под контролем – что мой отец в его власти. Папа, который не обидел бы и мухи, лучший и самый дорогой человек, самый добрый на свете!

Ее руки сжались в кулаки, ее грудь поднималась и опадала.

Драммонд подождал, пока она успокоится, прежде чем продолжать разговор.

– Вы еще упомянули убийство, – заметил он.

Она кивнула.

– У меня нет доказательств, – вздохнула она. – Столь же веских, как по кражам. Но был человек по имени Джордж Дрингер, и однажды вечером, когда Лэкингтон обедал с нами, я слышала его разговор с папой. «Дрингеру пора исчезнуть, – сказал Лэкингтон. – Он опасен!» И затем мой отец встал и закрыл дверь, но я слышала, что они спорили в течение получаса. Три недели спустя жюри присяжных при коронере нашло, что Джордж Дрингер совершил самоубийство в приступе помешательства. Тем же вечером мой отец, впервые в его жизни, напился до беспамятства.

Девушка замолчала, и Драммонд уставился на оркестр обеспокоенным взглядом. Все оказалось гораздо серьезнее, чем он ожидал.

– Потом был другой случай, – продолжала она. – Вы помните человека, который был найден мертвым в железнодорожном вагоне на станции Оксли? Он был итальянцем, по имени

Джузеппе; и его смерть признали естественной. За месяц до этого у него был разговор с Лэкингтоном, который произошел в нашем доме, потому что итальянец, будучи иностранцем, приехал в неправильное место, и Лэкингтон, оказалось, был с нами в то время. Разговор закончился страшной ссорой. – Она повернулась к Драммонду с улыбкой. – Не слишком много доказательств, правда? Только я знаю, что Лэкингтон убил его. Я знаю это. Вы можете думать, что я жертва разыгравшегося воображения. Вы можете подумать, что я преувеличиваю. Я не возражаю, если вы так посчитаете, – потому что вы скоро убедитесь во всем сами.

Драммонд не спешил с ответом. Вопреки своей осторожной рассудительности, он был впечатлен и в данный момент действительно не совсем понимал, что сказать. В том, что сама девушка твердо верила в то, что она говорила, он был уверен; вопрос был в том, что из этого реально, а что рождено ее воображением.

– А что относительно второго человека? – спросил он.

– О нем я почти ничего не могу сказать, – ответила она. – Он приехал в «Вязы» – так называется усадьба Лэкингтона – три месяца назад. Он среднего роста; чисто выбрит, с густыми каштановыми волосами, с небольшой проседью. Широкий лоб, а его глаза – серо-синие и очень холодные. Но его руки пугают меня больше всего. Они большие, белые и совершенно безжалостные.

Она умоляюще посмотрела на капитана.

– Не думайте, что я дурочка. Он пугает меня до смерти, этот человек. Он намного хуже, чем Лэкингтон... Он не остановился бы ни перед чем, чтобы получить что хочет, и даже сам Лэкингтон признает, что господин Петерсон босс.

– Петерсон! – пробормотал Драммонд. – Почтенная староанглийская фамилия...

Девушка презрительно рассмеялась.

– Прекрасная фамилия, только не настоящая! Как и его дочь – не его дочь.

– Значит, есть еще и леди?

– Дама по имени Ирма. Она бездельничает целыми днями, валяясь на диване. Она не больше англичанка, чем тот официант.

Хью невольно улыбнулся. Его фантазия сформировала довольно отчетливый образ Ирмы. Но сейчас было не время для юмора.

– И что заставляет вас думать, что они вам угрожают? – спросил он резко.

Девушка пожала плечами.

– То, что романисты называют женской интуицией... Я полагаю... Мой отец... – последние слова она пробормотала очень тихо. – Он почти никогда не спит по ночам. Я слышу, как он ходит по комнате из угла в угол, час за часом, час за часом... Это сводит меня с ума... Разве вы не понимаете? Я даже не понимаю, что связывает его с ними. Я должна спасти его от этих дьяволов, пока они не сломали его полностью.

Драммонд кивнул и отвел взгляд. Слезы стояли в ее глазах, и, как истинный англичанин, Драммонд терпеть не мог таких сцен. Пока она говорила, он решил, какой курс взять, и пора было переходить от слов к делу. Посетители уже перешли от чая к коктейлям. Лэкингтон мог возвратиться в любой момент. И если то, что рассказала его новая знакомая, было правдой хотя бы отчасти, ей явно не стоило попадаться на глаза этому джентльмену еще раз в его компании.

– Я думаю, мне пора идти, – заявил он. – Мой адрес 60 А, Хэлф-Мун-стрит; мой телефон – Мейфэр 1234. Если что-нибудь случится, я к вашим услугам в любой час дня и ночи. Звоните или пишите. Если меня нет дома, оставьте сообщение Денни, моему слуге. Он абсолютно надежен. Единственное, что мне нужно, – ваш адрес.

– «Лиственницы», под Годамингом, – ответила девушка, когда он уже встал. – Если бы вы только знали, какое это облегчение, знать, что есть кто-то, кто хочет помочь... – Она посмотрела на Драммонда сияющими глазами, и тот почувствовал, что его пульс внезапно уча-

стился. Воображение или нет, неважно, чем были обусловлены ее страхи... Девушка была прекрасна, одна из самых красивых, кого он встречал.

– Вас проводить? – спросил он, когда они уже стояли на тротуаре, но она покачала головой.

– Нет, спасибо. Я возьму такси.

Она села в машину, Хью придержал дверцу, сняв шляпу. – Не забывайте, – искренне сказал он. – Любое время дня или ночи. Если кто-то будет спрашивать, мы старые друзья. Это правдоподобно? В случае, если я приеду и останусь, например...

Она задумалась на мгновение, затем кивнула головой.

– Хорошо. Мы познакомились в Лондоне во время войны.

Шурша шинами, такси скрылось, оставив Хью с ярким образом: небесно-синие глаза, золотые волосы, ослепительная улыбка...

Минуту или две Драммонд простоял в задумчивости, затем направился к своему автомобилю. Вновь и вновь прокручивая в уме разговор с девушкой, он медленно ехал вдоль Пикадилли, время от времени мрачно усмехаясь. Могло ли все это быть тщательно продуманным обманом? Вдруг именно сейчас она смеется над ним? Если так, игра только началась, и у него не было возражения против еще нескольких раундов с таким противником. Чаепитие в Карлтоне едва ли могло быть названо остроумной шуткой... Или он действительно столкнулся со страшной тайной, какие, как он считал раньше, встречаются только на страницах дешевых романов?

Он вернулся домой и встал перед камином, снял перчатки. Собрался положить их на стол и обратил внимание на конверт, подписанный незнакомым почерком. Механически взял его и открыл. Внутри была половинка листа почтовой бумаги, на котором аккуратным почерком было выведено несколько строк.

*Есть многое на Небесах и земле, молодой человек, более важное, чем способность к употреблению в пищу стейка с луком и жасмиды приключений. Предполагаю, что вы обладаете и тем и другим. На земле то и другое, безусловно, полезно. На Небесах, однако, нет ни стейка, ни лука...
Будьте осторожны.*

Драммонд замер, его глаза сощурились. Он наклонился вперед и нажал звонок...

– Кто принес письмо, Джеймс? – спросил он спокойно, когда слуга вошел в комнату.

– Маленький мальчик, сэр. Сказал, что очень важно, чтобы вы получили его.

Денни открыл шкаф возле окна.

– Виски, сэр, или коктейль?

– Виски, Джеймс.

Хью тщательно свернул листок бумаги и поместил его в карман. И его лицо, когда он сделал глоток обжигающего напитка, проиллюстрировало то, почему в прошлом он заработал прозвище Бульдог Драммонд.

Глава вторая, в которой Драммонд отправляется в Годалминг, и игра начинается

– Я почти готов съесть еще одну порцию почек! – Драммонд посмотрел через стол на слугу, который тщательно раскладывал две или три дюжины писем по группам. – Вы думаете, что это вызовет серьезное нарушение обычного порядка в кулинарных делах? Мне предстоит поездка, и я предпочту позавтракать плотно.

Джеймс Денни поставил перед Драммондом блюдо с деликатесом, подогретое на электрической плитке.

– Вы надолго, сэр?

– Я не знаю, Джеймс. Все зависит от обстоятельств. Что, если вы задумаетесь, является, несомненно, одной из самых глупых фраз на английском языке. Есть ли что-нибудь в мире, что не зависит от обстоятельств?

– Вы на машине, сэр, или поездом? – спросил Джеймс.

– На машине, – ответил Драммонд. – Пижама и зубная щетка с собой.

– Вы не возьмете вечернюю одежду, сэр?

– Нет. Я хочу, чтобы мой визит казался непреднамеренным, Джеймс, и если вы явитесь в накрахмаленной белой рубашке попроситься переночевать, у людей появятся сомнения.

Джеймс переварил эту глубокую мысль в тишине.

– Вы поедете далеко, сэр? – спросил он, наливая вторую чашку кофе.

– В Годалминг. Очаровательное место, надеюсь, хотя я никогда не бывал там. Очаровательная обитательница, Джеймс. Дама, с которой я пил чай в «Карлтоне», она из Годалминга.

– Ясно, сэр, – пробормотал Джеймс уклончиво.

– И что тебе «ясно», старина? – засмеялся Драммонд. – Признайся, что жаждешь знать все о ней. У меня был очень длинный и интересный разговор с нею, и мне стало ясно, что верно одно из двух. Или я законченный дурак, или я нарвался на что-то очень крупное! Чтобы понять, какой из двух вариантов верен, я и отправляюсь на эту познавательную экскурсию. Либо я окажусь величайшим посмешищем в истории, или моя реклама достигла цели.

– Есть немало свежих откликов на ваше объявление, сэр. – Денни потянулся к письмам, которые сортировал. – Одно от безутешной вдовы с двумя детьми.

– Безутешной? – переспросил Драммонд. – Давай сюда!

Он поглядел на письмо и улыбнулся.

– Точность, Джеймс, важна для секретаря. Дезинформированная женщина называет себя одинокой, а не безутешной. Она останется таковой, насколько я понимаю, пока другой вопрос не улажен.

– Это займет много времени, сэр, как вы думаете?

– Чтобы разобраться с моей девицей в беде? – Драммонд закурил и откинулся назад на стуле. – Так и быть, Джеймс, я обрисую в общих чертах весь случай. Дева живет в доме под названием «Лиственницы», под Годалмингом, с папой. Недалеко от них расположен другой дом под названием «Вязы», принадлежащий джентльмену по имени Генри Лэкингтон, неприятному господину с противным лицом... Он также был в «Карлтоне» вчера во второй половине дня... Теперь переходим к сути дела. Мисс Бентон – так зовут даму – обвиняет господина Лэкингона в том, что он профессиональный преступник и даже преступный гений. Она пошла так далеко, что сказала, что он второй из самых опасных людей Англии. – Действительно интересно, сэр... Еще кофе, сэр?

– Неужели не интересно, Джеймс? – заметил Хью печально. – Этот человек убивает людей и участвует в кражах века!

– Лично я, сэр, предпочитаю кинотеатр. Но я предполагаю, что бульварное чтиво тоже интересно. Я могу убирать, сэр?

– Нет, Джеймс, не сейчас... Помолчите и послушайте. Три месяца назад самый опасный человек в Англии прибыл в «Вязы». Этот джентльмен известен как Петерсон, и у него есть дочь. Из того, что мисс Бентон рассказала, у меня появились сомнения относительно этой дочери, Джеймс. – Он поднялся и подошел к окну. – Серьезные сомнения. Однако, возвращаясь к вопросу, кажется, что тут устроен некий заговор, в который, против его воли, втянули Бентона-отца. Насколько я могу понять, я должен распутать запутанный клубок преступления и освободить папочку юной дамы.

Джеймс взволнованно причмокнул.

– Покруче, чем в кино, а? Лучше, чем истории про индейцев и ковбоев!

– Боюсь, Джеймс, что вы проводите все свое свободное время не в Британском музее, как я смел надеяться, – усмехнулся Драммонд. – Вы мыслите не в том направлении. Вопрос не в том, интереснее ли это, чем кино про индейцев. Вопрос в том, правда ли это? Должен ли я буду бороться с убийцами или стану посмешищем для гостей?

– Пока вам интересно и вы сами готовы посмеяться, не вижу особой разницы, – ответил Джеймс философски.

– Первое разумное замечание, которое вы сделали этим утром, – вздохнул капитан. – Я готов посмеяться.

Он поднял трубку с каминной доски и начал ее набивать, в то время как Джеймс Денни стоял и молчал.

– Девушка может позвонить сегодня, – продолжал Драммонд. – Мисс Бентон, чтобы быть точным. Не говорите, куда я пошел, если она позвонит, но запишите любое сообщение и телеграфируйте его мне в почтовое отделение Годалминга. Если же вы не получите известий от меня в течение трех дней, звоните в Скотленд-Ярд и сообщите им, куда я отправился. Этого будет достаточно, если вся эта история не розыгрыш. Если, с другой стороны, это обман и сюрприз для гостей, я, вероятно, захочу, чтобы вы приехали с моей вечерней одеждой и еще кое-какими вещами.

– Очень хорошо, сэр. Я пока почищу ваш маленький револьвер Кольта.

Хью Драммонд сделал паузу, закуривая трубку, и на его лице проявилась едва заметная усмешка.

– Превосходно. И посмотрите заодно, не найдется ли мой детский водяной пистолетик. Весело, когда я арестовываю убийцу с ним.

Маленькая машина Драммонда быстро добралась в Годалминг при скорости в тридцать миль в час.

В багажнике примостилась небольшая сумка с бельем; и когда Драммонд вспомнил о двух пистолетах, завернутых тщательно в его пижаму, – детской игрушке и игрушке смертоносной, – он усмехнулся. Девушка не позвонила ему в течение утра, и, после ланча в клубе, около трех часов он выехал в Годалминг. Мимо проносились цветущие живые изгороди; запах цветов и трав пьянил. Нежное тепло и аромат весеннего дня навевали беззаботность. Несколько раз Драммонд ловил себя на том, что начинал петь, сам того не замечая. Живописные деревеньки с крошечными домиками, полускрытыми под сенью огромных деревьев, ясное небо и аромат цветов создавали настроение настолько умиротворенное, что сама мысль о заговорах и преступлениях казалась абсурдом. Конечно, это был всего лишь розыгрыш! И Хью Драммонд признался сам себе, что он не будет обижен, если это так. Филлис Бентон имела право

пошутить! Филлис Бентон была очень хорошей девочкой, а очень хорошим девочкам можно позволить любой каприз!

Гудок клаксона сзади пробудил его от мечтательности, и Драммонд свернул к обочине. При нормальных обстоятельствах он прибавил бы газу. Его машина без проблем разогналась до девяноста. Но этим днем ему не хотелось гонок. Он хотел ехать спокойно и по дороге все обдумать. Голубые глаза и великолепный цвет волос оказались очень опасной комбинацией. Особенно для молодого и здорового холостяка вроде него.

Открытый кремовый роллс-ройс промчался мимо с пятью пассажирами на борту. На заднем сиденье расположились трое – двое мужчин и женщина. На миг его взгляд встретился со взглядом одного из мужчин. Тут они рванулись вперед, а Драммонд, наоборот, остановился, чтобы избежать густого облака пыли.

Драммонд хмуро посмотрел вслед обогнавшей его машине. Он видел, как один человек наклонился и заговорил с другим, а потом видел, как тот оглянулся. Тут поворот дороги скрыл их из вида, и, все еще хмурясь, Драммонд достал сигарету и закурил. Человек, сидевший в той машине, – тот, с кем он обменялся взглядами, – был Генри Лэкингтон. Его холодное и надменное лицо было трудно не узнать. По-видимому, подумал Хью, другими пассажирами были господин Петерсон и его якобы дочь Ирма. Скорее всего они возвращались в «Вязы». Почему бы и нет? Но, так или иначе, внезапное появление Лэкингтона расстроило Драммонда. И он ощутил сильное раздражение. Лэкингтон не нравился ему, настолько, насколько ему нравилась Филлис.

Ветер подхватил облако пыли, оставленное роллс-ройсом, и развеял его. Тогда Хью отжал сцепление и медленно поехал следом.

В роллс-ройсе спереди сидели двое мужчин, водитель и пассажир. Один из них, возможно, был мистер Бентон. А может быть, и нет – девушка не упоминала о том, что отец в Лондоне. Проскочив вершину холма, Хью резко ударил по тормозам. Вовремя! Роллс-ройс остановился, перегородив дорогу, так что проскочить мимо него было невозможно.

Девушка сзади и пассажир спереди остались в машине, но двое других мужчин стояли на дороге, поджидая Драммонда.

Лэкингтон признал его.

– Прошу прощения... – начал он и затем, сделав паузу, удивленно. – Боже! Да это же капитан монд!

Драммонд приветливо кивнул.

– Милю назад вы меня обогнали, помните? Боюсь, что забыл помахать рукой, когда вы проскочили мимо, но я заметил, что вы мне улыбнулись.

Он облокотился на руль и закурил новую сигарету.

– Вы, вероятно, здесь надолго? – спросил он. – Потому что если так, я заглушу свой двигатель и примкну к вашей компании.

Еще один из пассажиров красной машины подошел, и Драммонд рассмотрел его с любопытством.

– Друг нашей крошки Филлис, Петерсон, – представил капитана Лэкингтон, когда тот подошел. – Я познакомился с ним вчера в «Карлтоне», когда они с Филлис пили чай.

– Любый друг мисс Бентон, надеюсь, наш друг, – добавил Петерсон с улыбкой. – Вы давно знаете ее?

– Да, – ответил Хью. – Мы вместе частенько слушали джаз.

– И вновь мне очень жаль, что мы вынуждены были задержать вас, – продолжал Петерсон. – Я не могу сдержаться, Лэкингтон, и замечу, что наш новый шофер – дурак!

– Надеюсь, что то, что он избежал катастрофы, это уже хорошо, – пробормотал Драммонд вежливо.

Оба мужчины посмотрели на него.

– Катастрофа! – сказал Лэкингтон. – Не было никакой катастрофы. Мы просто остановились.

– Если так, – заметил Драммонд, – думаю, сэр, что вы правы в своем диагнозе уровня умственного развития вашего шофера.

Он повернулся вежливо к Петерсону.

– Такое случается, если водитель слишком резко тормозит и машину сильно заносит, что «не есть хорошо», как мы раньше говорили во Франции. Я думал, судя по облаку пыли, что вы, должно быть, едва не врезались в локомотив или трактор. Или, возможно, – добавил он, – отдали внезапный приказ остановиться, это могло привести к тому же результату.

Если он и заметил молниеносный обмен взглядами между Лэкингтоном и Петерсоном, он не выдал себя ничем.

– Я могу предложить вам сигарету? Турецкий и виргинский табак, на выбор. Интересно, могу ли я помочь вашему шоферу, – он продолжал, когда все закурили. – Я слегка разбираюсь в роллах.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал Петерсон, – предложить. – Он подошел к шоферу и сказал несколько слов.

– Невероятно! – заметил Хью. – Смотрите, как резко парень справился с работой под его взглядом! Но держу пари, шофер и сейчас ковырялся бы в моторе. Но взгляните! Все готово! И все же осмелюсь допустить, господин Петерсон не разбирается в моторах. Просто властный взгляд, господин Лэкингтон. Это замечательная вещь – тайны человеческой психики!..

Он молот вздор с приветливой улыбкой, осматривая с очевидным интересом стоящее впереди авто.

– Кто сидит возле шофера? Он мне нравится. Из таких получаются прекрасные снайперы!

– С чего вы взяли, что у него такие способности? – голос Лэкингтона выражал просто небрежный интерес, но его холодные, стальные глаза сверлили Драммонда. – Он характерно неподвижен, – ответил Хью. – Пока я здесь, он не шевельнул ни единой мышцей. Я полагаю, что он мог бы сидеть на гнезде шершней! Природный дар, господин Лэкингтон. Разум, который поднялся выше простого вульгарного любопытства.

– Это, несомненно, дар иметь такой разум, капитан Драммонд, – согласился Лэкингтон. – И если человек не рожден с ним, он должен, несомненно, попытаться развить его!

Он отбросил свою сигарету и застегнул пальто.

– Мы увидим вас этим вечером?

Драммонд пожал плечами.

– Я – непредсказуемый человек, – смущенно ответил он. – Я могу уехать в лес, слушать соловьев; или я могу съесть стейк и лук перед походом в ночной клуб... Рад был встрече... Вы должны позволить мне пригласить вас к Гектору на одну ночь. Надеюсь, вы снова так внезапно не сломаетесь.

Он наблюдал, как роллс-ройс тронулся с места, но не спешил за ним в погоню. И многие его друзья, которые имели привычку рассматривать Хью Драммонда как массу мускулов, не слишком отягощенных мозгами, были бы озадачены, увидев его сосредоточенное и одухотворенное лицо. Он не мог сказать, почему, но внезапно и полностью убедился в справедливости рассказов девушки. В своем воображении он слышал внезапный резкий приказ остановиться за холмом так, чтобы у Петерсона мог бы появиться шанс для его осмотра. Во вспышке интуиции он осознал, что эти двое были не простыми людьми и что они его подозревали. И поскольку он ускользнул от них без последствий, две мысли занимали теперь его. Первой была тайна неподвижного, неестественно спокойного человека, который сидел рядом с водителем; вторым было чувство облегчения по поводу того, что его пистолет заряжен.

В половине шестого Драммонд остановился перед почтовым отделением Годалминга. К его удивлению, девушка вручила ему телеграмму, и Хью открыл желтый конверт. Это было от Денни, и это было кратко, но емко:

*Телефонное сообщение получено. ААА. Должна видеть вас на чай
Карлтон после завтра. Еду Годалминг. ААА. Конец сообщения.*

С улыбкой он отметил военный стиль Денни, когда-то тот был связистом, затем нахмурился.

«Должна видеть вас...» Что-то случилось!

Он повернулся к девочке и спросил путь к «Лиственницам». Это оказалось приблизительно две мили отсюда, по Гилдфордской дороге, и невозможно пропустить большой дом, стоящий в глубине сада.

– А где там «Вязы»? – спросил он.

– По соседству, сэр, – ответила девушка.

Он поблагодарил ее и, разорвав телеграмму на кусочки, сел в свой автомобиль. Действовать в открытую, сказав, что прибыл по зову мисс Бентон, будет лучше всего. Так он решил. Он никогда не был человеком, который ходит вокруг да около, и простые методы нравились ему больше всего – черта в его характере, которую запомнили многие боксеры, слишком увлекавшиеся разными хитростями. Что будет естественнее, чем приехать повидать старого друга?

Он не испытал затруднений в поисках дома и несколько минут спустя уже звонил в звонок парадной двери. Ему ответила служанка, которая посмотрела на него с умеренным удивлением. Молодые люди на автомобилях были не частыми гостями в «Лиственницах».

– Я могу видеть мисс Бентон? – спросил Хью с улыбкой, которая сразу покорила сердце девушки.

– Она только что возвратилась из Лондона, сэр, – ответила она неуверенно. – Я не знаю...

– Вы не могли бы сказать ей, что прибыл капитан Драммонд? – сказал Хью, поскольку девица колебалась. – Что я случайно оказался рядом и приехал, надеясь увидеть ее?

Он еще раз широко улыбнулся, и служанка более не колебалась.

– Вы войдете внутрь, сэр? Я пойду и сообщу мисс Филлис.

Она сопровождала его в гостиную и закрыла дверь. Это была очаровательная комната, такая, как он мог ожидать, зная Филлис. Большие окна открывались вниз к земле, выходя на газон, на котором уже пламенели весенние цветы. Несколько больших дубов создавали приятный полумрак в конце сада, а за ними высился другой дом, те самые «Вязы». Драммонд заметил, что Петерсон вышел из маленькой беседки и начал прогуливаться по саду, куря сигару. Отвлекаясь от наблюдения за противником, Хью обернулся. И оказался лицом к лицу с Филлис.

Если в Лондоне она была очаровательна, то теперь она стала очаровательна вдвойне, в простом льняном платье, которое великолепно обрисовывало ее фигуру. Но возможности предаться любованию красотой Драммонду не представилось.

– Почему вы приехали сюда сегодня, капитан Драммонд? – сказала она, немного сдерживая дыхание. – Я ведь сказала «Карлтон, послезавтра».

– К сожалению, – ответил Хью, – я уехал из Лондона раньше, чем то сообщение дошло до меня. Мой слуга телеграфировал его на почтовое отделение сюда. Но не то чтобы это имело значение. Я должен был приехать, и я приехал.

Невольная улыбка коснулась ее губ на мгновение; тут же она снова стала серьезной.

– Очень опасно для вас прибыть сюда. Если они подозревают что-нибудь, Бог знает что произойдет, – сообщила она спокойно.

На кончике его языка вертелись слова о том, что было слишком поздно, чтобы волноваться об этом; но он сдержался.

– И что может быть подозрительного в старом друге, который заскочил на огонек? Вы не возражаете, если я закурю?

Девушка всплеснула руками.

– Мой дорогой друг! – вскричала она. – Вы не понимаете. Вы судите этих дьяволов по собственному стандарту. Они подозревают всех и все!

– Какая грустная привычка. Действительно ли это хроническое, или просто из-за большой печени? Я должен послать им бутылку хороших солей. Замечательные хорошие минеральные соли. Лучшие во Франции, – пробормотал он с серьезным видом.

Девушка посмотрела на него обреченно.

– Вы безнадежны, – заметила она, – абсолютно безнадежны.

– Абсолютно, – согласился Хью, выпуская облако дыма. – О чем было ваше телефонное сообщение? Какова причина беспокойства?

Она прикусила губу и забарабанила пальцами по подлокотнику стула.

– Если я сообщу вам, – сказала она встревоженно, – вы обещаете мне, дадите ваше честное слово, что не пойдете в «Вязы» и не выкинете какую-нибудь глупость?

– Пока мне и здесь хорошо, – усмехнулся Хью.

– Я знаю, – кивнула она. – Но я ужасно боюсь, что вы – человек того типа, кто... кто... – Она сделала паузу, не находя нужных слов.

– Кто ревет как бык и бежит навстречу паровозу с воплем «Задавлю!», – прокомментировал Хью с усмешкой. Она рассмеялась вместе с ним, и на мгновение их взгляды встретились и сообщили сердцам о чем-то, что важнее их темы обсуждения. Впрочем, сейчас не было ничего важнее, чем зловещие тайны Лэкингтона.

– Они абсолютно безжалостны и бессовестны и так жестоко умны, что даже вы окажетесь беспомощным, как ребенок перед ними... – продолжала она.

Хью пытался скрыть свое удовольствие от слова «даже», но преуспел лишь в том, чтобы хмуриться.

– Я буду сама осторожность, – уверил он ее. – Я обещаю вам.

– Я предполагаю, что должна буду довериться вам. Вы видели вечерние газеты сегодня?

– Я просмотрел те, которые вышли утром, маркированные 18:00, прежде чем я пообедал. Есть ли что-нибудь интересное?

Она вручила ему свежий номер «Планеты».

– Прочитайте сообщение во второй колонке, – она указала на заметку, и Хью прочитал ее вслух.

Господин Хирэм К. Поттс – знаменитый американский миллионер – поправляется. Он уехал в сельскую местность на несколько дней, но уже достаточно восстановился, чтобы вести обычный бизнес.

Драммонд отложил газету.

– Рад за мистера Поттса... Но я не вижу...

– Поттс остановился в «Карлтоне», где встретил Лэкингтона, – сказала девушка. – Он – мультимиллионер, здесь в связи с большим стальным трастом. Но когда мультимиллионеры становятся дружелюбными по отношению к Лэкингтону, их здоровье часто страдает!

– Но эта газета сообщает, что он выздоравливает, «достаточно, чтобы вести обычный бизнес». Что тут не так?

– Если он достаточно здоров, чтобы вести обычный бизнес, почему он отослал своего секретаря вчера утром со срочной миссией в Белфаст?

– Интересно! – пробормотал Хью. – Кстати, откуда вы знаете, что он сделал?

– Я спросила в «Карлтоне» этим утром. Я сказала, что приехала для работы в качестве машинистки к господину Поттсу. Они сказали мне в справочном бюро, что он был болен, в постели и неспособен принять кого-либо. Тогда я попросила его секретаря, и они сказали мне, что он уехал в Белфаст утром и будет отсутствовать несколько дней. Может случиться так, что это ничего не значит. С другой стороны, может случиться несчастье. И только цепляясь за каждую деталь, – тут в ее голосе смешались отчаянье и решимость, – я могу надеяться сокрушить злодеев и вытащить папу из их тисков.

Драммонд серьезно кивнул, но промолчал. Поскольку вспомнил внезапно о зловещей, неподвижной фигуре рядом с шофером. Самая дикая догадка, конечно, – никаких доказательств, – и все же, черт побери! И при подробном анализе мысль, казавшаяся абсурдной, обретала все большее правдоподобие, объясняя странную неподвижность человека на сиденье открытого автомобиля!

Дверь открылась, вошел пожилой мужчина. Хью поднялся, и девушка представила их друг другу. – Мой старый друг, папа, – сказала она. – Вы, должно быть, слышали, что я говорила о капитане Драммонде?

– Я не вспомню имя, солнышко, – ответил он вежливо, хотя явно впервые слышал эту фамилию. – Но я боюсь, что стал немного забывчивым. Я рад знакомству, капитан Драммонд. Вы останетесь пообедать, конечно?

Хью поклонился.

– Я хотел бы, господин Бентон. Большое спасибо. Боюсь, что визит мой был немного неофициальным, но оказавшись в этих краях, я почувствовал, что должен заехать и повидать мисс Бентон.

Хозяин улыбнулся рассеянно и, подойдя к окну, стал смотреть через опускающийся вечерний сумрак на дом напротив, наполовину скрытый за деревьями. И Хью, который наблюдал за ним из-под полузакрытых век, видел, что он внезапно сжал обе руки в жесте отчаяния.

Нельзя сказать, что ужин был особо веселым и торжественным. Господин Бентон ощущимо смущался и кроме нескольких отрывочных замечаний едва ли говорил вообще; девушка, которая сидела напротив Хью, в основном наблюдала за отцом, хотя и сделала пару попыток завязать светскую беседу. Этот напряженный ужин стал для Драммонда бесспорным доказательством серьезности ситуации. Никаким розыгрышем здесь не пахло.

Как будто не замечая ничего странного, он молот вздор в своем обычном стиле, не учитывая, ответили ли ему или нет. Но все время его разум деловито работал. Он уже решил, что роллс-ройс не был единственным автомобилем, который мог сломаться вдали от города, так что хозяину нужно где-то переночевать. И затем – сам не поняв, как, – он предложил сходить и познакомиться поближе с «Вязами».

Ужин закончился, и служанка, поставив графин перед господином Бентоном, ушла из комнаты.

– Бокал хорошего портвейна, капитан Драммонд! – провозгласил Бентон, открыв бутылку штопором. – Старое довоенное вино, за которое я могу ручаться.

Хью улыбнулся, и как раз когда он сжал в руке тяжелую старую бутылку, из окна донесся полузадушенный крик, заставивший его напрячься. Штопор выпал из ставших бессильными пальцев господина Бентона, разбив пиалу на столе. Лицо пожилого джентльмена стало чрезвычайно бледным.

– Прекрасно! Редко попробуешь такое в наши дни, – заметил Хью, наполняя бокал. – Вина, мисс Бентон? – Он посмотрел на девушку, которая испуганно и напряженно смотрела в окно. – Выпейте! Ибо вино веселит сердце человека...

Его тон вывел Филлис из транса, она протянула ему бокал.

– Налейте? – спросила она, и он увидел, что она дрожит.

– Вы... Вы слышали... что-нибудь? – Бентон тщетно пытался говорить спокойно.

– Ночная птица? – ответил он с напускной легкостью. – Жутко они кричат, не правда ли? Иногда во Франции, когда все было тихо, кто-нибудь вскакивал из-за этих криков. И попадал под немецкую пулю.

Хозяин потихоньку приходил в себя, Драммонду удалось снять напряжение. Но сам он умудрился опустошить бокал портвейна одним глотком, даже не заметив этого...

Снаружи было тихо; никаких новых жутких криков. Драммонд напряженно вслушивался в ночь чутким слухом, натренированным на фронте, – и не слышал ничего. Мягкий шепот ночи с тысячами ее естественных звуков просачивался в окно, но человек, который кричал, умолк навсегда. Драммонд не забыл, как слышал подобный крик однажды. На войне, под Гинчи, возле куч кирпича. Две ночи спустя он нашел кричавшего в воронке от взрыва, с остекленевшими глазами, в которых застыл ужас последней секунды. И опять его мысли сосредоточились на пятом пассажире роллс-ройса...

И было почти облегчением рассказать Бентону свою байку о сломавшейся машине.

– Конечно, вы должны остановиться здесь на ночь, – заявил почтенный джентльмен. – Филлис, дитя мое, вы скажете им приготовить комнату для нашего гостя?

Посмотрев на Хью взглядом, в котором смешались благодарность и тревога, девушка вышла. Глаза Бентона странно блеснули, и Хью понял, что все то время, что они обсуждали поломку автомобиля, старый джентльмен пытался взять себя в руки, и это не очень-то получилось. Это было очевидно даже непрофессиональному глазу солдата, что нервы старика ни к черту не годятся; и что, если что-то не предпринять как можно скорее, худшие предчувствия его дочери, вероятно, исполнятся. Он говорил бессвязно и быстро. Его руки дрожали, и он, казалось, всегда ожидал чего-то ужасного.

Хью отлучился на десять минут, когда хозяин доставал новую бутылку, и в течение времени, которое потребовалось ему, чтобы надеть пижаму и ночной колпак, господин Бентон преуспел в том, чтобы опустошить три стакана виски. И особо печально было то, что алкоголиком Бентон явно не был.

В одиннадцать часов Хью встал и пожелал хозяину спокойной ночи.

– Позвоните в звонок, если захотите что-нибудь. У нас редко бывают гости, но я надеюсь, что вы найдете все, чего пожелаете. Завтрак в девять, – напутствовал его хозяин.

Драммонд закрыл дверь за собой и замер на мгновение в тишине, осматриваясь. Холл был пуст, но он хотел изучить географию дома, твердо запечатлев ее в уме. Из комнаты, которую он только что оставил, донеслось журчание виски, наполняющего стакан. Хозяин продолжал «лечить нервы». В своей комнате он, как и ожидал, обнаружил девушку.

Она вскочила, когда он вошел.

– Что это было? Этот ужасный крик? – спросила она.

Он посмотрел на нее серьезно некоторое время и затем покачал головой.

– Мы будем пока считать, что это ночная птица, ладно? – сказал он спокойно. Потом он склонился к ней и взял ее за руки.

– Идите к себе и ложитесь спать. Это мое шоу. И, скажу вам, думаю, что вы невероятны! Слава Богу, что вы наткнулись на мое объявление!

Мягко он выпустил ее руки и отступил к двери, оставив ее открытой для нее.

– Если случайно вы услышите что-то, что напугает вас...

– Но что вы собираетесь делать? – прошептала она.

Хью усмехнулся.

– Не представляю! Господу видней.

Когда девушка покинула комнату Хью, он выключил свет и шагнул к тяжелым занавескам окна. Он развел их в стороны и шагнул за них, позволив им закрыться за спиной; тогда, осторожно, он открыл окно. Ночь была темной, и луна не должна была подняться еще в тече-

ние двух или трех часов, но он был старым солдатом и не мог пренебречь любыми мерами предосторожности.

Он хотел видеть «Вязы» и его обитателей; но не хотел, чтобы они видели его.

Тихо, но быстро он пересек газон и укрылся за деревом. «Вязы» оказались домом того же самого типа, как тот, который он только что покинул, и территория, примыкавшая к нему, была того же размера. Проволочная ограда разделяла два поместья, но в темноте Хью смог различить очертания калитки, соединявшей территории двух усадеб. К его радости, калитка открывалась бесшумно.

Проникнув на территорию противника, он спрятался позади зарослей кустарника.

За исключением одной комнаты на первом этаже, дом был темным, и Хью решил заглянуть в единственную освещенную комнату. В занавесках была щель, позволявшая осуществить этот замысел.

Прячась в тени, он подобрался ближе и осторожно заглянул внутрь. И то, что он увидел, заставило его решиться рискнуть и подойти еще ближе.

За столом сидел человек, которого капитан не признал. По обе стороны от него восседали Лэкингтон и Петерсон. На диване, изображая безразличие, замерла девушка с сигаретой в одной руке и романом в другой. Хью опознал в ней Ирму и возобновил наблюдение за группой за столом.

Какая-то бумага лежала перед человеком, и Петерсон, который курил большую сигару, по-видимому, предлагал, чтобы тот использовал ручку, которую Лэкингтон любезно держал наготове. Во всех отношениях идиллическая картина, если не считать выражения на лице человека. Хью видел его прежде часто, это называли контузией. Человек был в шоке, наполовину без сознания. Время от времени он озибался по сторонам в изумлении, потом качал головой и вытирал лоб. В течение четверти часа продолжалась эта сцена. Затем Лэкингтон достал что-то из кармана. Хью увидел, что человек сжался в ужасе и схватил ручку. Он увидел, что девушка откинулась назад, как будто разочарованная, и уткнулась в роман; и он видел холодную усмешку Лэкингтона. Но тем, кто произвел на него наибольшее впечатление в тот миг, был Петерсон. В его полной пассивности было что-то нечеловеческое. Ни темп, ни выражение лица не изменились ни на миг. Если лицо Лэкингтона сияло жестоким удовлетворением, лицо Петерсона оставалось спокойно-равнодушным.

Документ все еще лежал на столе, когда Хью достал свой револьвер. Он знал, что это было умышленное нарушение правил, безумие. Но он пробормотал набожную молитву, прицелился – и затем задержал дыхание. Грохот выстрела и взрыв единственной электрической лампочки в комнате были почти одновременны; и в следующую секунду, с ревом «Разойдись, господи», он ввалился в окно. С огромным преимуществом перед остальными, кто ничего не видел в настоящий момент, он проскользнул вглубь комнаты. Он рассчитал удар точно. Кулак попал Лэкингтону в челюсть, и тот рухнул на пол. Тогда он схватил в охапку ошеломленного человека вместе с таинственной бумагой и нырнул во тьму, назад через окно. Ни единой секунды не было потрачено впустую; Хью сполна использовал преимущество невидимости. И прежде чем это преимущество исчезло, он должен был убраться отсюда, вместе со своей ношей.

Но не было никакой погони, никакого шума. Когда он добрался до калитки, он сделал паузу и обернулся, и ему показалось, что он увидел за окном нечто белое, напоминающее манишку. Он задержался на мгновение, всмотревшись в темноту, и в этот миг нечто вонзилось в дерево возле его головы.

Драммонд не задерживался; долгие годы опыта не оставили сомнений в его уме относительно того, что это было. – Пневматическая или электрическая винтовка, – пробормотал он себе под нос, спотыкаясь и таща на себе полубессознательного спутника.

Он сам не знал, что делать дальше, но вопрос был неожиданно решен за него. Едва они ввалились в гостиную, туда влетела ошеломленная Филлис.

– Бегите! В вашем автомобиле... Не тратьте впустую ни секунды. Я завела машину...

– Хорошая девочка! Но что насчет вас?

Она нетерпеливо притопнула.

– Со мной все в порядке. Увозите его отсюда, это все, что имеет значение.

Драммонд усмехнулся.

– Юмор ситуации состоит в том, что я не представляю, что это за птица, за исключением того... – Он сделал паузу, уставившись на большой палец левой руки человека. Сустав был разможен в красную, бесформенную мякоть, и внезапно назначение инструмента, который Лэкингтон достал из кармана, стало ясным. Как и причина того ужасного крика во время ужина...

– Боже! – прошептал Драммонд, приходя в себя, сжав челюсти. – Тиски. Дьяволы... кровавые свиньи...

– Быстрее, быстрее! – измученно прошептала девушка. – Они могут быть здесь в любой момент.

Она потянула его к двери, и вместе они погрузили неизвестного в автомобиль.

– Лэкингтон не придет, – сказал Хью с усмешкой. – А если вы увидите его завтра – не справляйтесь у него о его челюсти... Спокойной ночи, Филлис.

Быстро поцеловав ей руку, он отжал сцепление, и автомобиль исчез в ночи...

Драммонд испытывал чувство восторга и триумфа от того, что выиграл первый раунд, и пока его автомобиль мчался назад в Лондон сквозь прохладный ночной воздух, его сердце пело от радости. И было хорошо для его душевного спокойствия, что он не мог наблюдать происходящее в «Вязах».

Лэкингтон все еще лежал неподвижно на полу; сигара Петерсона все еще тлела. Было трудно предположить, что он когда-либо отходил от стола; только пуля, вонзившаяся в дерево, доказывала, что кто-то вообще сдвигался с места.

Ирма прикурила новую сигарету от старой.

– Молодой человек не лишен характера, – заметил Петерсон равнодушно. – Будет жаль потерять его.

– Почему бы не сохранить его и не убрать девчонку? – зевнула Ирма. – Я думаю, что он мог бы развлечь меня...

– У нас всегда есть наш дорогой Генри, для игр и забав, – ответил Петерсон. – По-видимому, девчонка обратилась к этому парню. Я боюсь, Ирма, его надо убрать... и быстро...

Пальцы левой руки Петерсона начали выстукивать дробь о колено; в остальном ни его поза, ни выражение лица не изменились. И это через десять минут после того, как в самый миг успеха рухнул его тщательно продуманный план. Даже его самые бесстрашные сообщники, как было известно, признавали, что нечеловеческое спокойствие Петерсона ввергает их в дрожь.

Глава третья, в которой действие переносится на Хэлф-Мун-стрит

Хью Драммонд сложил листок бумаги, который изучал, и встал, поскольку доктор вошел в комнату. Выложив на стол серебряный портсигар, он ждал.

– Ваш друг, – начал доктор, – находится в очень специфическом состоянии, очень странном, капитан Драммонд, очень и очень...

Он сел и, сцепив пальцы, пристально посмотрел на Драммонда профессиональным взглядом. Он сделал паузу на мгновение, как будто ожидая испуганного согласия с этим глубоким заключением, но старый солдат спокойно зажег сигарету.

– Может быть, вы просветите меня относительно того, что он делал в течение последних нескольких дней? – продолжал доктор.

Драммонд покачал головой.

– Не имею представления, доктор.

– Есть, например, очень неприятная рана на его большом пальце. Главный сустав попросту раздавлен.

– Я заметил это вчера вечером, – ответил Хью уклончиво. – Выглядит, как будто сустав побывал между молотом и наковальней, не так ли?

– Но вы понятия не имеете, как это произошло?

– Я полон догадок, – ответил капитан. – На самом деле, если это поможет вам в вашем диагнозе, то, боюсь, та рана была вызвана применением неприятного средневекового инструмента, известного как тиски.

Достойный доктор посмотрел на него в изумлении.

– Тиски! Вы, должно быть, шутите, капитан Драммонд.

– Увы, нет, – ответил Хью кратко. – Если вам интересно, палец другой руки ожидала та же судьба.

Он выпустил облако дыма и улыбнулся, видя ужас на лице доктора.

– Мне интересен не столько большой палец; сколько общее состояние. Что с ним?

Доктор скривил губы и придал лицу выражение снисходительной мудрости, в то время как Драммонд задумался, почему никто и никогда не принимал закона, разрешающего убивать таких типов на месте?

– Его сердце кажется здоровым, – ответил эскулап после тяжелой паузы, – и я не нашел конституционных нарушений. На самом деле я могу сказать, капитан Драммонд, он – во всех отношениях весьма здоровый человек. Не считая кое-чего специфического.

Драммонд взорвался.

– Проклятие! Вы предполагаете, что я вас вызвал ради общих фраз? Ради того, чтобы убедиться, что у него здоровая печень?! – Драммонд, наконец, взял себя в руки. – Прошу прощения, доктор: вчера у меня был тяжелый вечер. Вы можете дать мне какую-либо идею относительно того, что вызвало это специфическое состояние?

Лицо доктора было мрачным.

– Некий наркотик, – ответил он.

Драммонд вздохнул облегченно.

– Теперь мы преуспеем! – радостно вскричал он. – У вас есть идея, что это за препарат?

– Это в данный момент трудно сказать. Вещество, кажется, произвело ошеломляющее влияние на его разум, не затронув его физически. Через день или два, возможно, я могу прийти к некоторому предварительному заключению...

– Которого пока нет! Браво! Теперь мы знаем, что происходит. – Лицо доктора приобрело огорченное выражение: этот молодой человек был очень прямолинеен. – Развивая тему, –

продолжал Хью, – поскольку вы не знаете, какой препарат использован, по-видимому, вы не знаете также, сколько времени потребуется для смягчения его эффекта.

– Ну, откровенно говоря, да... – уступил доктор.

– Что ж! По крайней мере, мы знаем, что мы знаем, а что не знаем. Что относительно диеты?

– Это много проще... Не слишком много мяса... Никакого алкоголя...

Доктор встал, поскольку Хью открыл дверь; действительно, война, казалось, оказала грустное влияние на манеры людей. Диета была вопросом, по которому он всегда позволял себе прочесть большую лекцию...

– Не слишком много мяса, никакого алкоголя. Прекрасно! Доброго дня, доктор. Вниз по лестнице и прямо. До свидания.

Дверь в дом закрылась у доктора за спиной, и он спустился к автомобилю, раздраженный и злой. Странный пациент, наркотики, пытки... Возможно, его долг пообщаться с полицией...

– Извините меня, сэр!

Доктор остановился, глядя на заговорившего с ним незнакомца.

– Чем могу быть полезен, сэр? – спросил он.

– Прав ли я в предположении, что вы – доктор?

– Вы совершенно правы, сэр, в вашем предположении.

Человек улыбнулся: очевидно, он был благовоспитанный джентльмен.

– Я желал бы услышать ваше мнение о моем приятеле, о капитане Драммонде, который живет в здесь. Я надеюсь, что вы не нарушите врачебной тайны, если конфиденциально сообщите мне, как вы находите его.

Доктор выглядел удивленным.

– Я не знал, что он болен.

– Но я слышал, что у него тяжелая травма... – протянул пораженный незнакомец.

Медик улыбнулся.

– Не волнуйтесь, сэр, капитан здоров как никогда, думаю, он будет рад, если вы зайдете к нему!

Доктор забрался в свой автомобиль.

– Почему бы вам не зайти к нему сейчас? – напутствовал он незнакомца напоследок.

Автомобиль доктора свернул на Пикадилли, а незнакомец не проявил интереса к предложению. Он развернулся и быстро зашагал прочь, и несколько минут спустя позвонил по межгороду в Годаминг. Его собеседник на другом конце провода удовлетворенно кивнул и приказал заводить роллс-ройс.

Между тем, не знающий об этой суете вокруг его здоровья Хью Драммонд напряженно изучал листок бумаги, с которым он начал возиться еще до прихода доктора. Время от времени он проводил пальцами по волосам и кивал головой в недоумении. Кроме того, что жертвой наркотика и пыток был Хирэм К. Поттс, американский мультимиллионер, он ничего так и не сумел выяснить.

– Если бы понять, о чем это... – бормотал он в двадцатый раз. Этот чертов Петерсон слишком быстр.

Обрывок был частью листа, на котором несчастный американец должен был поставить подпись, и Хью знал слова наизусть.

...паралич эко

...Великобритании

...месяцы я делаю

...держатель

...пять миллионов

...действительно желаете и

*...ожерелье графа и
...в настоящее время
...герцогиня Лэмп...-
...вопрос.
Парсс...*

Потом Драммонд обессиленно засунул обрывок в бумажник и позвонил в колокольчик.

– Джеймс, шепните «очень небольшое количество мяса и никакого алкоголя» на ухо вашей жены, если речь пойдет о меню для нашего гостя, хорошо? – заявил капитан, когда слуга вошел. – Представьте себе, заплатить доктору, чтобы узнать только это!

– Он сказал что-нибудь еще, сэр?

– Много. Но это было единственным полезным из того, что я услышал.

Он задумчиво смотрел в окно.

– Вы должны знать, что мы противостоям решительному и жестокому противнику, – продолжал он.

– Тогда не пора ли остановить публикацию вашего объявления в газете? Оно обходится нам в шесть шиллингов за номер.

Драммонд рассмеялся.

– Что бы я делал без вас, Джеймс! Думаю, это объявление действительно устарело. Некоторое время мы будем очень заняты, и не стоит давать бедным людям надежды, которые мы не сможем осуществить.

– Вас просит тот джентльмен, сэр, – голос госпожи Денни заставил их оглянуться, и Хью встал.

– Он пришел в себя, миссис Денни? – спросил Драммонд нетерпеливо, но она покачала головой.

– Не совсем, сэр! – она покачала головой. – Озирается вокруг затравленным взглядом. И продолжает кричать: «Опасность!»

Хью вошел в комнату, где разместили миллионера.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Драммонд бодро.

Человек уставился на него с непониманием и покачал головой.

– Вы помните прошлую ночь? – продолжал Хью, говоря очень медленно и отчетливо. Тут внезапная идея пришла ему в голову, и он вытащил клочок бумаги из своего бумажника. – Вы не забыли подписать это? – спросил он, протянув американцу загадочный обрывок. Некоторое время тот смотрел на него; затем с внезапным криком ужаса сжался и затрясся.

– Нет, нет, не надо... – пробормотал он.

Хью поспешно убрал бумагу.

– Неудачно с моей стороны, старина. Вы, очевидно, помните все слишком хорошо. Все в порядке, – продолжал он. – Никто не причинит вам боль. – Затем, после паузы, капитан поинтересовался: – Ваше имя – Хирэм К. Поттс?

Человек кивнул головой неуверенно и пробормотал:

– Хирэм Поттс... – он повторил это несколько раз, словно эти слова казались ему знакомыми.

– Вы помните поездку в автомобиле вчера вечером? – упорствовал Хью.

Но то, что казалось моментом прояснения омраченного наркотиками ума, казалось, прошло. Человек тупо смотрел на Хью, искра разума в его глазах угасла. Драммонд попробовал пробить стену его апатии еще несколькими вопросами, но это было бесполезно, и через несколько минут он собрался уходить.

– Не волнуйтесь, старина, – сказал Драммонд с улыбкой, – через пару дней у нас будете как новенький!

Человек, похоже, пытался что-то сказать.

– Что вы хотите? – Хью склонился над кроватью.

– Опасность, опасность! – прошептал Поттс и затем со вздохом рухнул в кровать.

С мрачной улыбкой Драммонд наблюдал за неподвижной фигурой.

– Боюсь, вы похожи на своего Эскулапа, – сказал он полушепотом. – Вы можете поведать мне лишь то, что я уже знаю.

Он вышел и спокойно закрыл дверь. А вернувшись в гостиную, обнаружил своего слугу стоящим неподвижно за одной из занавесок, наблюдая за улицей.

– Там человек, сэр, – заметил слуга, не оборачиваясь. – Он наблюдает за домом.

На мгновение Хью остановился, хмурясь. И засмеялся.

– Дьявол! Игра началась всерьез, мой храбрый воин, пока десять очков в нашу пользу! Ибо похищение и насильственное удержание, пусть даже сумасшедшего, – это статья десять, так, Джеймс?

Слуга осторожно отошел от занавесок.

– Статья – да, сэр, – повторил он загадочно. – Время, сэр, для вашего утреннего стакана пива.

Точно в двенадцать часов зазвонил звонок, объявляя о посетителе, и Драммонд оторвался от чтения спортивной колонки в газете, поскольку его слуга вошел в комнату.

– Да, Джеймс. Я думаю, что мы дома. И хочу, чтобы вы оставались в пределах слышимости и ни при каких обстоятельствах не теряли из вида нашего больного. На самом деле, я думаю, вы должны сидеть в его комнате.

Он вновь уткнулся в газету, а Джеймс, с кратким «Хорошо, сэр», удалился. Почти сразу он вернулся и, оставив дверь открытой, объявил о господине Петерсоне.

Драммонд поднялся, улыбаясь.

– Доброе утро. Ваш приход – приятный сюрприз, господин Петерсон. – Он указал посетителю на стул. – Надеюсь, вы больше не испытывали затруднений со своим автомобилем.

Господин Петерсон снял перчатки, улынувшись дружелюбно.

– Никаких, капитан Драммонд. Шофер, кажется, справился с поломкой.

– Именно ваш взгляд на него сделал это. Замечательная вещь – проницательный взгляд, как я и сказал вашему другу, господину Лэкингтону. Я надеюсь, что у него тоже все в порядке.

– Он не в форме, – добродушно пояснил Петерсон. – У господина Лэкингтона произошел некий неприятный случай вчера вечером, к сожалению.

Лицо Хью выразило сочувствие.

– Как прискорбно! Я надеюсь, ничего серьезного?

– Боюсь, что его нижняя челюсть была сломана в двух местах. – Петерсон потянулся за сигаретой. – Человек, который избил его, должно быть, был боксером.

– Ссора в подвыпившей компании? – спросил Драммонд, озабоченно качая головой. – Я никогда не подозревал у мистера Лэкингтона подобных наклонностей. Я представил бы его как самого воздержанного человека... Но плохо знаю его... Я однажды знал парня, который начинал махать кулаками после третьей стопки, а трезвый выглядел методистским пастором. Жаль, что случайная пуля оборвала его жизнь...

Петерсон стряхнул пепел со своей сигареты.

– Мы перейдем к сути дела, капитан Драммонд? – приветливо спросил он.

Хью выглядел изумленным.

– О чем вы, господин Петерсон? Что вы имеете в виду?!

Петерсон улыбнулся еще более приветливо.

– Я вполне уверен, что вы, молодой человек, весьма проницательны, – заметил он. – Не хотел бы отрывать вас от вашей газеты ни на минуту дольше, чем необходимо.

– Ну что вы! – заявил Хью. – Мое время – ваше время, хотя я очень хотел бы знать ваше мнение о Джаггернауэте и Честерском кубке. Мне кажется, у него есть шансы против Суматры, а вы что скажете?

– Вы игрок? – спросил Петерсон вежливо.

– Изредка делаю ставки, господин Петерсон, время от времени, – ответил Драммонд. – Только на спорт, только ограниченные суммы.

– Если вы ограничиваете свой азарт, это не опасно, – сказал Петерсон. – Именно когда вы рискуете играть по-крупному, риск становится серьезным, а опасность реальной.

– Именно так моя мать всегда и говорила мне, – заметил Хью. – Она даже шла дальше, моя бесценная мама. «Никогда не держи пари, если не уверен на все сто, мой мальчик, – был ее постоянный совет, – и помни это всегда, вспоминай об этом прежде, чем надеть рубашку! Я прямо сейчас слышу ее голос, господин Петерсон, и вижу ее лицо, озаренное утренним солнцем.

Внезапно Петерсон наклонился к Драммонду.

– Молодой человек, мы должны понять друг друга. Вчера вечером вы встряли в мои планы, а мне не нравятся люди, которые делают так. Вы отобрали у меня нечто, важное для меня. Вы сделали это дерзко и нагло. Разбив лампочку выстрелом из револьвера, вы продемонстрировали находчивость. Сломав челюсть Генри Лэкингтона в двух местах, проявили силу. Это качества, которые я ценю, Драммонд, очень ценю. Мне будет жаль, если этот мир лишится вашего присутствия.

Драммонд пристально уставился на Петерсона, открыв от удивления рот.

– Мой уважаемый гость, вы меня сразили наповал! Вы обвиняете меня в том, что я сбежал из шоу про Дикий Запад? – Он ткнул пальцем в Петерсона. – Вы пересмотрели вестернов, как мой слуга Джеймс. У него только револьверы и команчи на уме!

Лицо Петерсона было абсолютно безразлично, не считая едва заметной улыбки.

– Наконец, капитан Драммонд, вы утащили половину листа бумаги, которую я требую, – и похитили дорогого старого друга моей семьи, который находится теперь в этом доме. Я хочу документ и старого друга, пожалуйста, и если вы позволите, прямо сейчас.

Драммонд пожал плечами покорно.

– Есть что-то в вас, господин Петерсон, что мне нравится. Будь я девушкой – непременно влюбился бы в вас! Настолько решительный человек и настолько выдержанный! Уверен, когда вы наконец освободите ум от навязчивых идей и галлюцинаций – мы станем настоящими друзьями.

Петерсон все еще сидел неподвижно, но уже постукивал пальцами по колену.

– Скажите мне, – продолжал Хью, – почему вы позволили этому негодяю, которого вы приняли за меня, столь хамски отнестись к вам? Мне кажется, вам следовало немедленно обратиться в полицию!

– К сожалению, пуля, предназначенная для него, прошла мимо, – ответил Петерсон небрежно. – Жаль, потому что она решила бы проблему целиком и сразу.

– Такие методы недостойны вас, – пробормотал Хью. – Такие методы, господин Петерсон, незаконны, вы знаете. Это же самосуд! Я могу предложить вам выпить?

Петерсон вежливо отказался.

– Спасибо, не сейчас. – Он поднялся. – Не раньше, чем вы вернете мне мое! – заявил он.

– Все еще упорствуете в своем заблуждении, как я вижу! – заметил Хью с улыбкой.

– Все еще упорствую. Я жду и бумагу, и человека до шести часов сегодня вечером по адресу 32 А, Бернерс-стрит; и возможно, я бы даже сказал вероятно, если вы их вернете, я решу не убивать вас.

Хью усмехнулся.

– Ваша выдержка и ваши манеры поражают меня. Вы действительно не передумаете и не выпьете?

– Если вы не вернете человека и документ к указанному часу, к моему прискорбию, вас, вероятно, придется убить. Вы слишком агрессивный молодой человек, капитан Драммонд, я боюсь, не очень тактичный.

Он говорил печальным тоном, надевая перчатки. Когда он добрался до двери, то сделал паузу, затем продолжил:

– Я боюсь, что мои слова не будут иметь большого эффекта, но эпизод вчера вечером понравился мне. Я хотел бы сохранить вас. Это признак слабости, мой юный друг, который я сам рассматриваю с изумлением, но тем не менее это так. Так что предупреждаю: возвратите мою собственность и оставьте Англию в течение нескольких месяцев. – Его взгляд, казалось, впился в мозг капитана.

– Вы вмешиваетесь в дела, – продолжал он мягко, – о которых не имеете представления. Муха в коробке передач автомобиля была бы в большей безопасности, чем вы, если не уйдете с моей дороги.

Мягкий и тихий голос звучал так угрожающе, что Драммонд уставился на Петерсона удивленно. Это казалось наваждением, сном, галлюцинацией. Циничный блеск триумфа в глазах Петерсона разрушил это ощущение; было вполне ясно, что джентльмен неправильно истолковал молчание в ответ на свои речи.

– Ваша искренность столь же освежающая, как и ваши сравнения, – ответил Хью радушно. – Я дрожу, думая о той бедной маленькой мухе, господин Петерсон, особенно учитывая, в каком состоянии находится коробка передач вашего автомобиля, с вашим чудесным шофером.

Драммонд проводил посетителя к выходу. Из другого конца холла на все это смотрел Денни, делая вид, что чистит от пыли книжные полки. Лицо слуги было невозмутимо. Хозяин просто провожает обычного посетителя, а что тут такого?

И тут из глубины комнаты, у входа которой стоял Денни, донесся стон. Лицо Драммонда на миг нахмурилось, а Петерсон многозначительно заметил.

– Инвалид в доме? Как неудобно! – Он положил руку на мгновение на руку капитана. – Боюсь, что вы собираетесь выставить себя дураком. И это будет такая жалость! – Он повернулся к лестнице. – Не беспокойтесь, пожалуйста; я могу дойти до двери сам!

Хью возвратился в свою комнату и закурил глиняную трубку, усевшись в любимое кресло, где Джеймс Денни нашел его пять минут спустя. Капитан засунул руки глубоко в карманы и сидел, скрестив ноги, глядя в окно. Джеймс спросил Хью о ланче дважды без результата и наконец, будучи послан к черту, обиженно удалился на кухню. Драммонд не строил иллюзий относительно своей безопасности. Недооценка противника никогда не была его характерной ошибкой, ни на ринге, ни во Франции, и у него не было намерения делать ее теперь. Человек, который мог похитить американского миллионера и накачивать его наркотиками, пока тот не стал немногим больше, чем ребенок, и затем использовать тиски, чтобы заставить несчастного подписать какие-то бумаги, вряд ли окажется чрезмерно щепетильным в будущем. На самом деле свист той пули все еще звучал в его ушах.

Чтобы разобраться в ситуации и сконцентрировать свой разум, Драммонд прибег к старой уловке, начав разговаривать шепотом сам с собой. Смешно, но часто это работало.

– Одно из двух, – заметил он, взмахнув курительной трубкой. – Дать им бумагу или не дать. Отдать – идиотизм. Нелепость и абсурд. Поэтому – ответ номер два.

Он повторно скрестил ноги и выбил трубку на ковер. Потом позвонил в звонок.

– Джеймс, – сказал он вошедшему Денни, – возьмите листок бумаги и карандаш и сядьте за стол. Я собираюсь подумать, и я не хотел бы пропустить что-нибудь важное.

Слуга сел, ожидая дальнейших распоряжений.

– Во-первых, – заметил Драммонд, – они знают, где Поттс.

– Сэр?.. – пробормотал Денни, сунув в рот карандаш.

– Не глупите. Конечно, знают. И не прерывайте меня, ради Бога. Два... Они попытаются получить Поттса. – Да, сэр, – ответил Денни, деловито строча в блокнот.

– Три... Они не получают Поттса. А Поттс скоро заговорит! Неплохой анализ?

– Все четко, как в армии, сэр, – согласился Дэнни, причмокнув.

Хью посмотрел на него с неудовольствием.

– Опять это причмокивание, Джеймс, – скривился он. – Теперь вы должны сделать кое-что еще. Выгляните в окно, на месте ли наш соглядатай?

Слуга произвел длительное исследование и наконец объявил, что не увидел вражьего агента.

– Это доказывает окончательно, что он там, – заметил Хью. – Запишите, Джеймс: пункт четыре – «Из-за присутствия наблюдателя Поттс не может покинуть дом незамеченным».

– Мы тоже, сэр, – начал было Джеймс, но тут Хью уставился на камин с внезапным светом озарения в глазах.

– Эврика, Джеймс! Я понял... Пять – «Поттс должен покинуть дом незамеченным». Он нужен мне Джеймс. Нужно переправить его в мой дом на реке, и вы должны позаботиться о нем.

– Да, сэр, – ответил Джеймс покорно.

– И чтобы он оказался там, мы должны избавиться от наблюдателя. Как мы можем избавиться от этого типа? Как, Джеймс, я спрашиваю вас? Да просто дав ему понять, что наблюдать более не за кем! Надо, чтобы он решил, что Поттса здесь нет!

– Я понимаю, сэр, – подтвердил Джеймс.

– Нет, вы ничего не поняли. Теперь бегите, Джеймс, и передайте мое приглашение господину Дарреллу. Попросите, чтобы он пришел. Скажите, что мне нужно его видеть.

Джеймс поднялся, и Драммонд слышал, что он отправился в соседнюю квартиру на том же этаже. Послышался ропот голосов, и вскоре после этого его слуга возвратился.

– Он принимает ванну, но он придет, как только закончит. – Он передал сообщение и выдержал ожидание. – Что-нибудь еще, сэр?

– Да, Джеймс. И даже много. Но прежде всего – кружка пива.

Когда дверь закрылась, Драммонд поднялся и принялся шагать взад и вперед по комнате. План, который он придумал, был прост, но Драммонд был человеком, который верил в простоту.

– Петерсон не приедет сам... как и наш эстет Генри. Поттс давно не был в деревне, так что все хорошо. И если не выйдет... Хуже, чем сейчас, все равно не будет. Положусь на удачу! – он все еще рассуждал вслух, когда Питер Даррелл ошел в комнату.

– Могу ли я помочь? Я слышу, что вы выбираете наилучшее решение.

– Да, Питер, даже несмотря на твой идиотский халат. Мне нужна твоя помощь!

– Всегда пожалуйста, дружище! Что я могу сделать?

– Ну, в первую очередь, посмотри на зверушку.

Он отвел Даррелла в комнату американца. Миллионер посмотрел на них бессмысленным взглядом, и Даррелл отскочил в ужасе и изумлении.

– Мой Бог! Что с ним?

– Я дал бы много, чтобы знать, – мрачно сказал Хью. Потом улыбнулся успокоительно неподвижному человеку и отправился с Даррелом в гостиную.

– Сядь, Питер, – распорядился он. – Выслушай меня внимательно, вопросы потом.

В течение десяти минут он говорил, в то время как его компаньон слушал молча. Молодой хлыщ в дорогом халате куда-то исчез. На его месте сидел человек с острым лицом, кива-

ющий в знак согласия при осознании того или иного вопроса. Так он всегда слушал своего командира, капитана Драммонда, перед наступлением – внимательно и вдумчиво.

Когда Хью закончил, то спросил:

– Ты сделаешь это, старик?

– Конечно! Но разве не лучше, командир, собрать двух или трех из наших ребят и ввязаться в дело всерьез? – проговорил он умоляюще. – У меня как раз есть свободное время!

Драммонд покачал головой решительно.

– Нет, Питер, не в этот раз. Мы противостоям большой силе; и если ты хочешь в это ввязаться, тебе хватит приключений на пятую точку на сто жизней вперед. Но на этот раз никакого шоу – все должно быть тихо, но эффективно!

Даррелл поднялся.

– Ну и ладно. Посмотрим на этих людей и покажем себя.

– Не сегодня, – сообщил Хью. – На сегодня у меня аншлаг.

Как только Даррелл вышел, Драммонд вызвал Джеймса.

– Сегодня, Джеймс, вы и госпожа Денни уедете отсюда и поедете в Паддингтон. Выйдите через парадную дверь, и если за вами будет «хвост», а он будет, делайте равнодушный вид, как ни в чем не бывало. Добравшись до вокзала, возьмите билет в Челтнхем, попрощайтесь с супругой страстным тоном и умоляйте ее не опаздывать на следующий поезд на этот волшебный курорт. Вы можете даже говорить пренебрежительно о ее больной тете в Вестбурне, которая одна препятствует тому, чтобы ваша замечательная жена сопровождала вас. Затем, Джеймс, садитесь на поезд до Челтнхема и поезжайте туда. Вы проведете там пару дней, не забывая, что вы – женатый человек, даже если пойдете в кино. Потом возвращайтесь и ждите распоряжений. Ясно?

– Да, сэр! – Джеймс щелкнул каблуками.

– А пока... Ваша жена... У нее есть сестра или еще родня где-нибудь поблизости?

– Парализованный кузен в Камберуэлле, сэр!

– Великолепно. Она навестит больного кузена – если она может переносить его, – и затем она должна поехать на метро в Илинг, где она возьмет билет в Горинг. Я не думаю, что у кого-то хватит терпения следить за ней все это время. А в Горинге пусть она ждет сразу двух гостей. – Он сделал паузу и зажег сигарету. – Вот так. Как я сказал вам только что, игра началась. Теперь просто повторите то, что я сказал вам.

Он выслушал, как его слуга пересказал инструкцию, и кивнул одобрительно.

– А есть болваны, которые говорят, что армия отшибает мозги! – пробормотал он. – Четыре года назад не смог бы рассказать и пару слов, ничего не напутав!

Он отпустил Денни и сел за стол. Сначала он достал загадочный обрывок листа бумаги из кармана и поместил его в конверт, запечатал его тщательно. Потом он поместил его в другой конверт, с сопроводительным письмом в банк, прося их сохранить вложение в целости.

Затем он взял лист почтовой бумаги и, напрягая все свое остроумие, принялся сочинять документ, который заставлял его ухмыляться. Это свое сочинение, которое он также приложил в запечатанном конверте, он снова адресовал своему банку. Наконец, он запечатал что-то, разместил в кармане.

В течение следующих двух часов он, по-видимому, нашел, что ничего нет лучше, чем съесть отлично жаренную отбивную, приготовленную госпожой Денни, в компании гостя, кое-как управляющегося с пудингом. Затем, с отъездом Денни в Паддингтон, который совпал с возвращением Питера Даррелла, на Хэлф-Мун-стрит закипела деятельность. Но протекала она в пределах дома, на улицу не выплескиваясь. Джентльмен, за которым приставили следить наблюдателя, не появлялся. Его приятель последовал за Денни в Паддингтон. Драммонд не выходил, наблюдатель начинал скучать.

Приблизительно в 16:30 наблюдатель отметил, что кто-то покинул дом. Но это был только великолепно одетый молодой человек, хлыщ, назвавшийся Дарреллом.

Солнце клонилось к закату, и тени удлинялись, когда подъехало такси. Наблюдатель подобрался ближе и остановился со слабой улыбкой, поскольку увидел, что двое мужчин вышли из машины. Первый был безупречным Дарреллом. Другой был незнакомец, и оба были, очевидно, пьяны в стельку.

– Прикинь, дружище! – медленно проговорил Даррелл. – Все уже качается и плывет...

Его спутник икнул согласно и прислонился к стене.

– Ага, – согласился он. – Это все юность. А потом только прах и пепел...

Шатаясь, они стали подниматься по лестнице, напевая что-то пьяными голосами. Мелодия их песнопения доносилась через окна и после того, как закрылась дверь.

Десять минут спустя наблюдателя сменили. Это было долгожданное облегчение: другой человек просто прошел мимо него. И с тех пор не происходило ничего интересного. Наблюдателю и в голову бы не пришло, что пьяные песни распевает один сидящий на стуле джентльмен, а Даррел и его приятель мирно сидят рядом. Трезвые.

Деятельность на Хэлф-Мун-стрит продолжалась внутри дома, а потом на дом опустилась тьма, и пришла тишина. Прошли десять часов, одиннадцать – все было тихо. Только в одиннадцать тридцать тихий звук заставил Драммонда напрячься. Звук донесся из кухни – и это был звук, которого он ждал.

Он быстро прошел в комнату, где неподвижно лежал больной. Там он включил маленькую настольную лампу, и с тарелкой манной каши в руке он повернулся к лежащему.

– Хирэм К. Поттс, – сказал он низким, внушительным тоном, – сядьте и возьмите тарелку с кашей. Вам нужно поесть. Я знаю, что это противно, но доктор сказал никакого алкоголя и почти никакого мяса.

В тишине, которая последовала, послышался скрип снаружи, и он снова стал пытаться накормить больного. – Манка, Хирэм, манка. Вкусная кашка. Поешьте, Поттс.

Его голос замер, и он медленно поднялся на ноги. В открытой двери стояло четыре человека, каждый с револьвером в руке. Причем револьверы выглядели несколько необычно.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – закричал Драммонд неистово.

– Заткнитесь, – высокомерно потребовал главарь. – Это оружие бьет тихо. Если вы будете шуметь – умрете. Ясно?

Вены вздулись на лбу Драммонда, и он сдерживал себя с огромным усилием.

– Вы понимаете, что этот человек мой гость, и он болен? – сказал он, дрожа от гнева.

– Красноречивый вы наш! – глумливо заметил главарь. – Возьмите постельное белье, парни, и заткните рот нашему соловью!

Прежде чем он смог сопротивляться, во рту Драммонда оказался кляп, и его руки были связаны за спиной. Затем, беспомощный и бессильный, он наблюдал, как трое из них подняли человека с кровати и, заткнув ему рот, вынесли его из комнаты.

– Шевелись, падаль, – сказал четвертый, обращаясь к Хью, – ты присоединяешься к пикнику.

С яростью, горящей в его глазах, он спустился с похитителями вниз. Большой автомобиль подъехал, их втолкнули внутрь.

– Не забывайте, – сказал главарь Драммонду учтиво, – наши пистолеты с глушителями. Вы должны быть ниже травы тише воды.

Дорога до «Вязов» заняла час. В течение последних десяти минут Хью наблюдал за больным, который прилагал безумные усилия, чтобы освободиться от кляпа. Его глаза закатывались ужасно, вот он забился, словно в припадке, потом – затих.

Когда его занесли в закрытое помещение, он не боролся; он, казалось, погрузился в своего рода апатию. Драммонд следовал с достойным спокойствием и вскоре оказался в большой комнате.

Через мгновение или два вошел Петерсон, в сопровождении дочери.

– Ах! Мой юный друг, – начал Петерсон приветливо. – Я едва надеялся, что вы отдадитесь мне так легко.

Он обшарил рукой карманы Драммонда и достал револьвер и связку писем.

– Вашему банку... Конечно, конечно, не оно. Даже опечатано... Убери кляп, Ирма и развяжите ему руки. Мой дорогой молодой друг, вы причиняете мне боль!

– Я хочу знать, господин Петерсон, – сказал Хью спокойно, – по какому праву вы устроили это подлое и трусливое похищение! Мой друг, больной, из постели похищен в середине ночи, не говоря про меня!

С нежным смехом Ирма предложила ему сигарету.

– Mon Dieu! – заметила она. – Да вы глупы как пробка, мой дорогой Хью!

Драммонд посмотрел на нее холодно, в то время как Петерсон со слабой улыбкой открыл конверт. И стоило ему ознакомиться с содержанием этого конверта, как улыбка исчезла с его лица. И тут снизу донесся поток отборной брани, большая часть которой заставила бы покраснеть портового грузчика.

– Да за кого ты меня держишь, плоскомордый козел? Да ты вообще понял, на кого наехал?

– Я должен принести извинения за язык своего друга Маллингса, – застенчиво пробормотал Хью, – но вы должны признать, что у него есть некоторое оправдание. Он слегка перепил и мирно отсыпался у меня в гостях, и тут его похитили неизвестные грубияны.

В следующий момент в комнату ворвался бешеный субъект с горящими глазами. Его лицо было дико перекошено, и его рука была перевязана, из-под бинтов торчал большой палец, вымазанный красным.

– Что за дрянь?! – выл он неистово. – Что за чертовы бинты с чертовыми красными чернилами?

– Об этом вы должны спросить нашего друга! – сказал Хью. – У него весьма специфическое чувство юмора. Так или иначе, извольте оплатить счет.

В тишине, повисшей вслед за этим, Петерсон развернул бумагу и прочитал ее содержание, в то время как Ирма облокотилась ему на плечо.

Г-ну Петерсону, «Вязы», Годамлинг.

Похищение пьяного демобилизованного солдата 5,0£ s.0d

Выпивка для него – должная в количестве и качестве, 5,0£ s.0d

Бутылка красных чернил 0,0£ s.1d

Доплата за вредность 10,0£ s.0d

ИТОГО

20,0£ s.1d

Ирма расхохоталась.

– О! Но, Хью, восхитительный que vous êtes!

Но он не смотрел на нее. Он сверлил взглядом Петерсона, который с совершенно безразличным лицом уставился на него.

Глава четвертая, в которой Драммонд проводит тихую ночь в «Вязах»

– Мне трудно решить, что делать с вами, молодой человек! – сказал Петерсон мягко после долгой паузы. – Я догадывался, что у вас грубоватый юмор.

Драммонд откинулся назад на своем стуле и смотрел на собеседника со слабой улыбкой.

– Я должен буду брать уроки у вас, господин Петерсон? Хотя я откровенно признаю, что не считал доселе признаком хорошего вкуса похищение мирного отставного офицера и его приятеля, приходящего в себя, извините, с большого бодуна!

Петерсон уставился на взъерошенного человека, все еще опирающегося на косяки двери, и после секундной паузы он наклонился вперед и нажал на звонок.

– Уведите отсюда этого человека, – сказал он резко слуге, который вошел в комнату. – Отправьте его спать. Я решу, что сделать с ним, утром.

– Ты, козлина, решишь?! – взвыл Маллингс, шагнув вперед сердито и сжав кулаки. – Ты вообще кто такой, решала? Что я хочу знать...

Тут Маллингс осекся, уставившись на Петерсона, как кролик на удава. Было что-то змеиное в серо-стальных глазах Петерсона, что-то безжалостно гипнотическое, что заставило бесстрашного старого вояку ощутить жуть. Маллингс вопросительно посмотрел на Драммонда.

– Сделайте то, что добрый джентльмен говорит вам, Маллингс, – сказал Хью. – Ложитесь спать. – Он улыбнулся успокоительно. – И если вы будете очень, очень хорошо себя вести, возможно, как большое удовольствие, он придет пожелать вам баиньки.

– Вот то, что я называю хорошими манерами, – заметил он, когда Маллингс и слуга ушли.

Он закурил сигару и задумчиво выпустил облако дыма.

– Хватит глупостей, – забрюзжал Петерсон. – Где Поттс?

– Тьфу, тьфу, – пробормотал Хью. – Вы удивляете меня. Я наивно идеализировал вас, господин Петерсон, представляя, что вы сильный, спокойный человек, который никогда не выходит из себя, и вот... Вы разочаровали меня в первые же дни знакомства!

На мгновение ему показалось, что Петерсон собирается ударить его, и его собственные кулаки сжались под столом.

– Я не стал бы, мой друг, – сказал он спокойно, – действительно я не стал бы. Поскольку, если вы ударите меня, я, несомненно, ударю вас. И это не сделает вас красивее.

Медленно Петерсон опустился на стул, и вены, которые выделялись на его лбу, вернулись к нормальному виду. Он даже улыбнулся; только постукивание пальцев по колену выдавало утрату самообладания. Кулаки Драммонда разжались, и он посмотрел украдкой на девушку. Она безучастно возлежала на диване, демонстрируя высокомерное безразличие.

– Предполагаю, что бесполезно спорить с вами, – проговорил Петерсон через некоторое время.

– Я был членом школьного дискуссионного клуба, – ответил Хью. – Но я никогда не был мастером крючкотворства. Предпочитаю прямоту и ясность.

– Вы, вероятно, понимаете по событиям сегодняшнего вечера, что я настроен всерьез.

– К сожалению, я так и подумал, – ответил Хью. – И если это лучшее, что вы можете сделать, я, на вашем месте, бросил бы это дело и занялся огородом.

Девушка хихикнула и закурила следующую сигарету. – Вы сделаете для нас грязную часть работ, Хью? – спросила она.

– Если вы сумеете посадить помидоры, я полью их с удовольствием, – пообещал Хью.

Петерсон поднялся и подошел к окну, встал недвижно, глядя в темноту. При всем своем напускном легкомыслии Хью понимал, что ситуация перешла в острую фазу. В доме не менее полудюжины головорезов ожидали приказа. Если Петерсон сочтет это необходимым – Драм-

монда убьют в ту же секунду. И Хью понимал, что это не преувеличение, не *façon de parler*, но простая правда жизни. Петерсону убить человека было не труднее, чем нормальному человеку прихлопнуть осу.

На мгновение в голову закралась трусливая идейка – выпрыгнуть в окно и скрыться в темноте. Но, во-первых, это противоречило самой натуре Драммонда, а во-вторых, Петерсон встал так, что в оконном стекле видел все, что происходит у него за спиной.

Непоколебимое намерение знать, что таит в себе зловещий разум Петерсона, вытеснило мгновенную слабость. События мчались так быстро, что у Драммонда едва хватало сил не упустить ничего из виду, последние двадцать четыре часа казались каким-то странным сном. Глядя на спину Петерсона и на курившую на диване девицу, Хью мрачно усмехнулся. Он вспомнил предыдущий вечер – и тиски... Конечно, демобилизованный офицер, который счел мир унылым, получил свое приключение. Но у Драммонда возникло пронизательное подозрение, что чудеса и приключения только что начались.

Внезапный звук снаружи в саду заставил его насторожиться. Он увидел белый блик рубашки, и в следующий момент человек открыл окно и ввалился в комнату. Это был господин Бентон, и было вполне очевидно, что он искал утешение в бутылке.

– Вы нашли его? – требовательно спросил он, держась за руку Петерсона.

– Нет, – ответил Петерсон, высокомерно глядя на пьяного.

– Где он?

– Возможно, если вы спросите у друга своей дочери капитана Драммонда, он сможет сказать вам. Ради Бога, сядьте, не надо падать!

Он подтолкнул Бентона к стулу и вернулся к окну.

Девушка на диване происходящее попросту игнорировала.

– Мы, кажется, столкнулись с противоречием интересов, господин Бентон, – приветливо заметил капитан. – Наш хозяин никак не может избавиться от странной идеи, что я – разновидность бандита. Надеюсь, ваша дочь в порядке.

– О да, вполне, спасибо, – пробормотал Бентон.

– Передайте ей, что я собираюсь заскочить завтра, прежде чем вернусь в Лондон. Если она не против, конечно.

Петерсон, стоявший у окна, запустив руки в карманы, даже не обернулся.

– Вы предполагаете оставить нас завтра? – спросил он спокойно.

Драммонд встал.

– Автомобиль прибудет за мной к десяти часам, – ответил он. – Я надеюсь, что это не нарушит ваш семейный распорядок, – продолжал он, поворачиваясь к Ирме, которая смеялась, лакируя ногти.

– *Vraiment!* Но вы почти не погостили у нас, милый Хью, – она улыбнулась. – Мы действительно теряем вас так скоро?

– Я совершенно уверен, что буду более полезен для господина Петерсона дома, чем здесь, – заметил Хью. – Я мог бы даже привести его к скрытому сокровищу, которое, как он думает, я имею.

– Я рассматриваю этот вариант, – заметил Петерсон. – Но в данный момент я задался вопросом, не применить ли мне некоторые средства убеждения, чтобы получить всю информацию сразу?

Мимолетное видение искореженного, разможенного большого пальца вспыхнуло в памяти Хью, он еще раз услышал жуткий крик, прозвучавший в темноте в предыдущую ночь... А потом он улыбнулся и покачал головой.

– Думаю, что вы слишком хороший знаток человеческой природы, чтобы пробовать подобные глупости, – заметил Хью глубокомысленно. – Видите ли, если вы не убьете меня, что пока явно не входит в ваши планы, завтра вам будет неудобно объяснять, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.